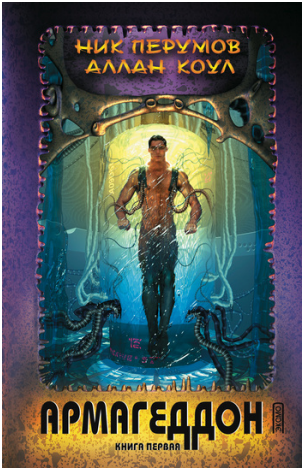




**Аллан Коул
Ник Перумов
Армагеддон. Книга 1**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126802
Армагеддон. Книга 1: Азбука, эксмо-Пресс; Санкт-Петербург; 2001
ISBN 5-04-006207-9*

Аннотация

Этот роман – смелый эксперимент, задуманный и осуществленный с поистине галактическим размахом. Его авторы – Ник Перумов, один из признанных лидеров российской фантастики, и маститый американец Аллан Коул – объединили усилия и создали свой «Армагеддон» – слегка ироничный, чуть-чуть пародийный фантастический боевик, насыщенный космическими приключениями, детективными расследованиями и могущественной магией. Есть в нем и любовь, помогающая добру одержать победу над злом. Этот роман существенно отличается от книг Ника Перумова, к которым мы все так привыкли и которые так любим, не похож он и на «Стэн» и «Атеро» Аллана Коула, имевших успех и в США, и в России. Это первый по-настоящему интернациональный фантастический проект, оригинальный, неожиданный, неповторимый.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Часть вторая	27
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ник Перумов

Армагеддон

Книга 1

Предисловие

Моему дорогому читателю: предуведомление

Эта книга отличается от всех прочих, написанных мною. Необычна она хотя бы тем, что писалась в соавторстве с Алланом Коулом, американским фантастом, хорошо известным у нас по НФ-романам «Стэн», «Волчьи миры», «Флот обречённых», «Месть обречённых» и ряду других. Предлагаемая вашему вниманию книга изначально писалась по-английски, поэтому не стоит удивляться тому, что язык и стиль в ней существенно отличаются от моих обычных. Не стоит дивиться также и некой её «космооперностью» – труд предназначался для публикации прежде всего в Америке, то есть предполагалось, что он будет соответствовать требованиям тамошнего рынка. Для меня это был прежде всего рискованный эксперимент по работе в чужой языковой среде, да ещё и подчиняясь достаточно обширному списку «правил», предложенных нам редакторами. До сих пор я помню разговор на ВорлдКоне-97 с Шелли Шапиро, тогдашним ответственным редактором издательства «Дель Рей», которая очень чётко определила требования, предъявляемые этим издательством к фантастике. Так что не стоит удивляться некоей «облегчённости» сюжета или конфликта. Я ещё и ещё раз подчеркиваю, что данный труд очень специфичен, и я долго колебался, выпускать ли его вообще на русском языке или нет.

Тем не менее книга состоялась. Как уже указывалось, изначально она писалась по-английски, и перевод на русский выполнял уже не я. Работа над книгой заняла достаточно долгий срок, мы начали её в 1996 году. Мне лично писать её было достаточно интересно, разбираться в хитросплетениях американского книгоиздания, но я не ставлю данный труд в один ряд с другими моими книгами, прежде всего с тетралогией «Хранитель мечей», над третьим томом которой, «Одиночество мага», как раз сейчас я заканчиваю работу.

Меня неоднократно спрашивали, зачем я вообще полез «не в свою область», какой многие почитают космическую фантастику. Отвечаю – никакой автор, даже сколь угодно успешный в «своём» жанре, не может вечно оставаться в раз и навсегда очерченных границах. Эксперименты, даже спорные, более чем необходимы. Они позволяют проработать какие-то вещи, которые впоследствии, разумеется, в изменённом виде, появятся на страницах книг «основного» направления.

Тем не менее данная книга кажется мне всё-таки достаточно интересной, и я представляю её на ваш суд, мой дорогой читатель.

Что я могу ещё сказать?..

*С уважением,
Ник Перумов*

Часть первая СМЕРТЕЛЬНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Глава 1

Он был чёртом, старым, изрядно подуставшим чёртом, гнавшим космический корабль сквозь вихри гиперпространства и думавшим в основном о предстоящем отпуске, который в этом сезоне ему основательно подзадержали.

Этот рейс должен был вскоре закончиться, максимум – через несколько земных дней. Даже приступая к первым фазам заклинания приземления, старый чёрт не забыл прикинуть, сколько ему начислят премиальных за мягкую швартовку в порту. В любом случае сумма обещала быть более чем достаточной для оплаты заклинания мгновенного возвращения. Достаточной, чтобы собрать лучших космопортовских колдунов, закрыть глаза и...

Раз! И ты уже на Авалоне!

Звали старого чёрта Старым Чёртом. Именно под этим именем он был известен духам навигации, домовым управления и гоблинам технического обеспечения.

Старый Чёрт принадлежал к классу моторных бесов, его обязанностью было гнать лайнер со сверхсветовой скоростью в пустоте космоса. Он словно сдирал шкуру, вспарывал, пронзал, раздирая на куски, пространственно-временной континуум. Повинуясь его воле и его заклинаниям, сотни тысяч младших бесов скручивали в спирали и прогоняли сквозь бронированные камеры сгорания мощные жгуты высокотемпературной плазмы. Проклятием моторных бесов было то, что запас топлива им всегда выделяли в обрез. Впрочем, сколько ни дай, топлива всё равно будет мало. Как бы то ни было, каждую секунду каждого рейса Старый Чёрт проводил, осыпая проклятиями и сожалениями каждый джоуль энергии, толкающей корабль к далёкой цели.

Но сегодня (именно в данный конкретный земной день) мысли Старого Чёрта были заняты не только прямыми обязанностями беса, отвечающего за функционирование двигателей корабля. Сам корабль – круизный лайнер – назывался «Холидей Первый». «Стар-Фан Инкорпорейтед», компания-работодатель Старого Чёрта, собрала на распродажах шесть налетавших немало парсеков лайнеров и, отремонтировав их, гоняла свой флот по всей Галактике, эксплуатируя корабли на износ. «Холидей Первый» был самым старым и наименее фешенебельным из шести лайнеров, что, однако, не мешало ему оставаться добротным, надёжным кораблём, прошедшим вполне качественный ремонт. На данный момент лайнер был задействован под ежегодно устраиваемый компанией тур «Незабываемый медовый месяц». На борту судна находилось более тысячи пар, в основном молодых, здоровых, энергичных и счастливых.

Время от времени Старый Чёрт обнаруживал, что краснеет несколько сильнее, чем положено в обычном температурном режиме внутри работающего двигателя. Это происходило, когда он невзначай попадал внутренним слухом в мысли новобрачных или оказывался свидетелем их тайных речей и шёпота. Видеть он ничего не мог – мощные заклинания блокировали его всепроникающий взгляд. А вот негодники-домовые, без всякого толка шатающиеся по кораблю, не упускали возможности подсмотреть что-нибудь этакое, а потом, сдобрив изрядной долей вымысла, пересказать самые зажигательные истории туповатым, доверчиво развешивающим уши гоблинам.

Охраняя честь мундира и доброе имя компании, Старый Чёрт порой рывкал на бесстыжих хулиганов, но... Но ничто не могло оторвать его от мыслей об Авалоне.

Авалон... Огонь, жара которого достаточно, чтобы выжечь проклятый холод гиперпространства. Старый Чёрт представил, как первым делом он пойдет в Огненный Дом, где проваляется неподвижно несколько дней (не земных – бесовских). То-то прогреются промёрзшие старые косточки! При одной мысли об этом суставы и мышцы Старого Чёрта начинали блаженно ныть в предвкушении удовольствия. Даже для моторного беса триста лет в космосе (неважно – в линейном пространстве, гипер– или подпространстве) – это не шутка. К тому же никогда нельзя быть уверенным, хватит ли зарплаты с премиальными на всё, что планируешь на отпуск. Главбух компании был неподражаемым мастером тайной магии финансовых махинаций. К концу полётной вахты даже самый дисциплинированный демон толком не знал, сколько кредиток будет начислено на его счёт или списано с него.

Старый Чёрт отогнал вызывающие депрессию мысли и заменил их видением самой большой (теоретически возможной) премии и подсчётом того, что можно будет купить на эту сумму.

Самое главное – попасть на Авалон!

Лучший друг Старого Чёрта из мира нечисти – Ашгарот – вернётся на Авалон через пару орбит. Старик расплылся в блаженной улыбке, представив, какой добротный дебош устроят они вдвоём у «Трёх повешенных монахов» – в любимом кабаке всех моторных бесов сектора 666. На дверях заведения красовалась вывеска, гласившая (к неизмеримому удовольствию всей нечисти): «Эй, мягкокожие! Поберегись! Попробуй сунься! За последствия администрация ответственности не несёт».

Впрочем, вряд ли мягкокожие, то есть люди, ощутили бы удовольствие, оказавшись даже на мгновение за дверьми «Трёх повешенных монахов». В этом заведении не было ни столов, ни стульев, ни стойки бара – ничего из всей той ерунды, которая необходима мягкокожим, чтобы влачить их жалкую жизнь в том, что они называют комфортом. В заведении не существовало и времени в его земном, человеческом понимании. Заказ здесь выполняли быстрее, чем распадаются самые короткоживущие изотопы, а бесценная тишина, окутывавшая посетителя после первой же рюмки, могла длиться сотни земных лет.

Моторные бесы были гордой расой и презирали всё, что так или иначе связывалось с их мягкокожими повелителями. И всё же бесы служили повелителям, служили хорошо. Бесы и черти должны подчиняться людям – гласил древний закон, провозглашённый Великим Заклинанием на заре веков. Проклятое закливание! Ничего, ну ничегошеньки с ним не поделаешь! Крутись, вертись, служи. Фрахты и чартеры, консаменты и страховые полисы, премиальные и оклады, грузовые терминалы и ремонтные доки...

Заклятья, заклатья, заклатья,
И отпуска нет на войне!

Чертовски хороший поэт – как там его? – Редьярд Киплинг. Даром что мягкокожий. Несмотря на всё презрение к людям, Старый Чёрт скрасил немало минут жизни, перебирая в памяти строчки Киплинга. Но никто, даже лучший друг старика Ашгарот, не знал об этом тайном пороке.

Да, «заклятья, заклатья, заклатья...». Заклятья и заклинания. Те, что двигают корабль сквозь Космос. Отдельный набор заклинаний – чтобы управлять ордой младших моторных бесов и прочей нечисти. Заклинания, оберегающие заумное и чертовски дорогое оборудование от разрушения в гиперпространстве. И ещё тысячи тысяч заклятий и заклинаний. Каждое из них – капля за каплей – выжимало силы из Старого Чёрта. Подчас он начинал ненавидеть свою работу, в чем боялся признаться даже самому себе. Частенько он вспоминал родной дом – Преисподнюю. Да-да, тот самый ад, те самые нижние миры, чьё гордое могущество было сломлено мягкокожими тысячелетия назад. Великий огонь погас, и теперь

рядовому моторному бесу (или суперпроцессорному бесу, или электрогенераторному) приходилось вкалывать от зари до зари, чтобы заработать себе на частичку хотя бы суррогата – секторного пламени. Ангельё бы побрало всю эту вымороженную работу в горние выси, так их раздери!.. Раскудрить её с орбиты сквозь десять могил, сраных серафимов, херовых херувимов в тибетского ламу и чёрную дыру всем скопом! Вспоминая о своём подчинённом положении, Старый Чёрт непременно начинал ругаться. Немудрено, что ругань была его привычным состоянием, и именно она сделала его знаменитым.

Старый Чёрт был знатным мастером по части ругани. Он постоянно брюзжал, нецензурно выражался, кошунствовал, бурчал, проклинал всё на свете, охаивал всех и вся и ругался на чём свет стоит. Проклятия и крепкие слова были для него своего рода бронёй, защищавшей его от некомпетентности капитанов и штурманов, портовых колдунов и хозяев кабаков. Жаловался старина на всё, что вонзалось острыми шипами в кожу любого моторного беса. Но именно он, став лучшим проклинателем всех времён и народов, умел ставить мучителей на место. Некоторые из его забористых проклятий вошли в легенды, как и послужившие для них поводом выверты бюрократии. Старого Чёрта просто переполняла раскалённая лава упрямства, духа противоречия и жажды спора; многие члены экипажа впадали в депрессию, едва прочитав его имя в бортовом списке.

Был у Старого Чёрта и ещё один тайный, никому не ведомый порок помимо слабости к Кипплингу. Старый Чёрт ненавидел свою работу и... любил её одновременно. Ему нравилось мерцание звёзд, переливы их пылающих корон и гигантские выплески протуберанцев. Нравились ему бури жёсткого рентгеновского излучения, бушующие в районах чёрных дыр, нравились разноцветные планеты – синие, пурпурные, жёлтые, багровые, зелёные... Любил он голоса далёких друзей, приносящиеся на крыльях космических скоростных заклинаний, как любил и многое другое, любил саму жизнь моторного беса.

А Авалон... На Старого Чёрта вновь нахлынули приятные воспоминания. Да, «Три повешенных монаха». Высшее блаженство. Густая завеса дыма и чёрные камни, висящие в воздухе, пронзённом застывшими молниями, бесчисленными громовыми раскатами и насыщенном упоительным теплом Истинного Огня. Куда этим гуманоидам выдержать такое! Заклинания, перелетающие от одного посетителя к другому, обжигающий хлопок по плечу, искры, танцующие и кружащиеся вокруг моторных бесов сектора 666.

Старый Чёрт вздохнул, предвкушая удовольствие. Скоро, очень скоро он вновь окажется на Авалоне.

Нужно всего лишь закончить работу, привести корабль в космопорт.

* * *

Билли Иванов был влюблён.

Ему было десять лет, и она – объект его чувств – танцевала перед ним во всей своей красе. Она была стройной, с пышными формами – знойная уроженка юга. Правда, всего лишь наполовину, ибо родилась она в смешанном испано-американском браке. Звали черноокою красавицу, улыбкой переворачивающую душу мальчишки, Люпе Моррис. В данный момент она танцевала ни с кем иным, как со своим недавним женихом, а теперь – мужем, который, по мнению Билли, на вид был обезьяна обезьяной. Имя этого орангутана Джо Моррис, и он был американцем от макушки до пяток. Этот здоровяк-тугодум оглушал, казалось, весь корабль до нижних трюмов, когда разевал пасть, чтобы ласково произнести имя своей дражайшей Люпе.

Гремела горячая, зажигательная музыка, и Люпе, в костюме тореадора, изящно обтягивающем её стройную фигуру, извивалась в ритме танца, пробуждая в душе Билли незнакомые, но весьма приятные чувства. Одна из стен его каюты представляла собой огромный

экран, который на данный момент был целиком занят глазами Люпе, танцующей в карнавальном зале несколькими палубами ниже одинокой «холостячкой» каютки Билли. Мальчишка прошептал очередную команду, и видеоэльф, прошепав в ответ: «Есть, сэр», дал общую панораму зала.

Центральный салон корабля был заполнен новобрачными, пришедшими на традиционно устраиваемый в конце рейса костюмированный бал. Многие костюмы были смелы и даже вызывающи: молодые женщины выходили танцевать в чём-то прозрачном, а их мужья присоединялись к ним в одеяниях куда более скучных, чем у античных скульптур. Встречались и более скромные костюмы, но в основном так одевались пары среднего и даже старшего поколения, проводящие на корабле второй, а то и третий медовый месяц. На борту «Холидея Первого» отдыхал стопроцентно средний класс. Некоторые пассажиры годами откладывали деньги или влезали в долги, чтобы прокатиться экономическим классом; кое-кому из молодых поездку оплатили в складчину старшие родственники. Практически для всех это было единственное в своём роде впечатление – на всю жизнь. Путешествие к порочным огням и безудержному веселью курортов Пограничной Зоны. Впрочем, по правде говоря, сами курорты вовсе не были столь уж скандальными и порочными. Но «Стар-Фан Инкорпорейтед» хорошо знала рынок и своё дело. Многим туристам, весьма добропорядочным и консервативным, не понравилась бы откровенная, шокирующая атмосфера порока и необузданной страсти. Но сидящие в большинстве из них лицемерие и ханжество притягивались как магнитом к возможности прикоснуться к порочной жизни и брезгливо отдернуть руку, заглянуть в замочную скважину борделя, а затем презрительно кривиться. Чтобы заполнить все каюты и не упускать прибыль, компания предлагала тур как в Новой Америке, так и в Новой России. Как бы ни был полон танцевальный зал во время карнавала, он был чётко разделён на две части быкообразными охранниками, зорко следившими, чтобы представители двух долго враждовавших стран не смешались друг с другом и не испортили обще-раздельное веселье.

Билли снова произнёс команду, и видеоэльф послушно приблизил лицо Люпе, чьи жемчужные зубы ярко отражали гирлянды карнавальных фонарей.

– Эй! Эй! Ну и ну! – призвал внимание Билли видеоэльф. – Да вы только посмотрите сюда, хозяин! Честное слово, стоит того!

Билли и самому надоело смотреть на улыбку Люпе, но он не стал менять крупного плана. Впрочем, когда музыка сменилась и послышалось что-то спокойно-романтическое, Билли приказал эльфу дать средний план. К своему огорчению, он увидел Джо – американскую обезьяну, – прижимающего Люпе Моррис к своему омерзительному телу.

– Вырубай! – скомандовал Билли.

Эльф всхлипнул и выключил камеру. Большой корабельный салон исчез с экрана. Заменяли его медленно изменяющие форму и расцветку нечётко очерченные разводы – вид в гиперпространство. Билли был образованным мальчиком и знал, что на магических скоростях ничего не видно, а изображение на стене лишь иллюзия, представление о том, как мог бы выглядеть космос на сверхсветовых скоростях. Разумеется, при том условии, что глаз смертного проник бы, не разрушившись, в искривлённое пространство-время. Посозерцав немного изящные переливы красок, Билли тоскливо зевнул и отвернулся от экрана.

Слов нет, поначалу полёт мальчику нравился, поражая массой новых впечатлений. Билли Иванов был полукровкой – полуамериканцем-полурусским, – что в глазах ребенка было равносильно страшному пятну позора на всю жизнь. На лайнер, летящий в Пограничную Зону, его взяли дедушка с бабушкой, решившие провести таким образом второй медовый месяц. Билли был сиротой, и в Новой России у его дедушки и бабушки не нашлось достаточно близких и надёжных друзей, чтобы оставить им мальчишку на время полёта. На

корабле он старался по возможности развлекать себя сам, предоставляя «молодым» максимум свободы и уединения, чтобы они могли насладиться давно задуманным приключением.

На всём лайнере Билли оказался единственным ребёнком, что вызывало всеобщее любопытство. Мальчик пользовался этим в своих целях, обследуя корабль вдоль и поперёк. Он побывал в кубриках экипажа, в офицерской столовой и почти во всех загадочных коридорах и отсеках, наполненных чудесным запахом колдовских механизмов и оборудования. Ему даже позволили подняться на мостик, где оказалось разочаровывающе скучно. Ведь люди принимали не слишком большое участие в управлении кораблём, передав почти все функции разного рода нечисти. Билли усмехнулся, вспомнив седовласого капитана и мужественного старпома, деловито расхаживающих по мостику с таким видом, будто они и вправду за что-то отвечают, а не являются всего лишь одетыми в яркие парадные мундиры руководителями бригады официантов и прочей obsługi для оплативших тур пассажиров.

Билли хотелось стать моторным бесом. Вот это сила так сила! Мальчик водил в воздухе руками, что-то бормотал про себя, представляя, как он ведёт космический корабль. Разумеется, его корабль ни за что не был бы потрепанной летучей гостиницей. Нет, это будет непременно нечто огромное и обязательно военное! Например... например, космическая крепость.

Тут Билли пришлось взять на себя командование воображаемой артиллерийской башней. Указав пальцем в то место на стене, где ему виделся Джо Моррис в американской военной форме, мальчик как мог громко произнёс, срываясь на фальцет:

– Получай, грязная американская свинья!

Воображаемые снаряды вонзились в стену каюты.

Глава 2

Старый Чёрт в эти минуты был занят подготовкой тормозящих и снижающих мощность заклинаний.

«Холидей Первый» входил в Пограничную Зону с её сотнями недавно сформировавшихся планет земного типа. Эти планеты были вкраплены в пространство, как острова в Тихом океане на старушке Земле. Зона была заселена всеми разумными расами галактики – как людьми, так и негуманоидными типами. Некоторые планеты отличались жарким климатом, на других царил холод. Одни утопали в воде и зарастали плавучими лесами, другие выглядели сухими пустынями. Найти здесь работу было нелегко, но, с другой стороны, жизнь в Пограничье не отличалась дороговизной, если, конечно, поселенец не желал непременно получить на новом месте все привычные удобства родного мира, ставшие здесь непозволительной роскошью. В последние годы администрация Зоны решила поправить финансовые дела, привлекая в Пограничье туристов, «клюнувших» на дикую военную историю этих мест. Рекламная кампания была проведена удачно, и в Зону валом повалили туристы из старых колоний, из Новой России, Новой Америки и даже с матушки-Земли. Сработало на успех кампании и то, что во всех объявлениях указывалось: мрачные времена войны остались для Пограничья в далёком прошлом.

Старый Чёрт уверенно вошел в Зону и направил «Холидей Первый» к космопорту.

Осторожность приходилось соблюдать, только чтобы не столкнуться с одной из военных баз, дрейфующих в космосе. Эти вооружённые до зубов фабрики смерти были по договору поровну поделены между недавними противниками: Соединёнными Штатами Галактики и Российской Галактической Федерацией. Американские и русские бронированные сферы остались в Пограничной Зоне немymi свидетелями былого кровопролития.

Старый Чёрт имел полное право чувствовать себя здесь уверенно и спокойно.

Все капитаны неофициально, но единогласно давно перенесли Пограничье в разряд «секторов пониженной опасности».

* * *

Что-то не так!

Билли проснулся и сел в кровати.

Его прошиб холодный пот, сердце бешено колотилось в груди, в животе ныло. Мальчик оглядел почти тёмную каюту. Молодожёны ещё не возвращались с карнавала. Раздвижная дверь, отделявшая их спальный отсек, была открыта, кровать пуста.

Билли не мог понять, что же так обеспокоило его. Никаких кошмаров ему не привиделось, но при всём этом чувство безотчётной тревоги не покидало его. Если не считать далёкого гула двигателей, то корабль был тих, и эту тишину не нарушал ни один посторонний звук. Так обычно и было во время искусственной ночи, когда пассажиры спали. Билли повернулся к носу корабля. Он знал, что там, за несколькими чередующимися слоями особых сплавов керамики, волокон и плазмы, составляющими сотовидный корпус лайнера, нет ничего, кроме пустоты космоса, а точнее, гиперпространства. Оттуда не могла исходить никакая угроза. Не могло там спрятаться никакое чудовище, никакой празднотающийся маньяк, одержимый страстью пытаться маленьких мальчиков. Так успокаивал себя Билли, ощущая в то же время, как нечто неведомое следит за ним. Нет... не за ним...

Оно следило за кораблём!

Нечто зловещее. Нечто грозное, опасное и пребывающее в весьма мрачном настроении.

Билли опустил ноги на пол и слез с кровати. Шаг вперёд, к дверям... Но неожиданно ощущение чужого присутствия исчезло!

Мальчик вздохнул с облегчением.

– Ну и дурак же ты, Билли. Нет там никого и быть не может, – заявил он вслух, подсознательно используя голос, чтобы разорвать последние нити паутины страха.

Через минуту Билли уже спал, как и подобает детям в это время суток. Ему снился сон: Люпе и их первое свидание.

...Она была одна в огромном зале казино; в задумчивости она перекидывала над столом колоду электронных карт, порхавших как живые от одного её прикосновения.

В нескольких шагах от неё замер Билли, заворожённо следивший за каждым движением первой увиденной им американской женщины. Больше в зале никого не было, и Билли мог разглядывать её, не опасаясь, что за ним кто-то подсмотрит. Десятилетнего ребёнка никто не воспринимал как угрозу. Несмотря на взаимную ненависть, терзавшую как русских, так и американцев, для детей делалось исключение, этого требовала, во-первых, политкорректность, а во-вторых – нормальные человеческие чувства и инстинкты.

– Играть, – скомандовала американка, и карты мгновенно легли перед нею, сложившись узором для игры солитер.

Никогда в жизни Билли не слышал такого очаровательного, такого мелодичного голоса. Шаг в её сторону, и на него обрушился аромат её духов, притянувший его ещё сильнее. Билли внимательно следил, как она играет, как её пальцы командуют послушными картами, раскладываяющимися в нужные ряды и колонки. Вдруг девушка нахмурилась, задумалась, покачала головой и огорчённо вздохнула.

– Можно походить семёркой пик, – буркнул Билли по-русски.

Она обернулась, явно смутившись. По-русски она не понимала; не знала она и того, насколько Билли очарован её красотой. Ей было чуть за двадцать, с миленького личика глядели на мир огромные таинственные, как космическая бездна, глаза. Полные губы не нуждались ни в какой помаде, а идеально гладкая кожа по цвету напоминала какое-то редкое тропическое дерево.

Заметив её замешательство, Билли понял, что натворил, и побыстрее перешёл на английский. Как все дети от смешанных браков, он немало времени посвятил всему, что было связано с Америкой. Особенно он налегал на язык, которым владел намного лучше, чем предполагали его школьные учителя.

– Извините, я не хотел вас беспокоить, – сказал он. – Но семёркой пик можно накрыть восьмёрку червей.

– Действительно, – согласилась девушка.

Ещё несколько ходов, и партия была выиграна, а девушка наградила Билли улыбкой, от которой у того на миг замерло сердце.

– Благодарю вас, мой юный друг, – сказала она с лёгким, неуловимым для Билли испанским акцентом. – А вы довольно наблюдательны.

Билли пожал плечами.

– Просто люблю карты, – буркнул он под нос.

Девушка рассмеялась и заговорщически подмигнула ему:

– Боюсь, казино в опасности. Такой игрок может и разорить заведение.

Билли оценил комплимент и скромно заметил:

– Да что вы, я ещё маленький. Кто же разрешит мне играть на деньги.

В тот же миг он пожалел о сделанном признании, но исправлять что-либо было уже поздно.

Девушка протянула ему руку.

– Меня зовут Люпе, – сказала она. – Люпе Моралес... То есть Люпе Моррис. Извини, я ещё так недолго замужем, что никак не могу отвыкнуть от своей девичьей фамилии.

Билли словно укололи шпагой в сердце при этих словах. Затем он понял, что ведёт себя глупо. Замужем она или нет – какая разница. Он-то всё равно останется мальчишкой десяти лет от роду. В первый раз в жизни Билли не на шутку возненавидел свой возраст. Впрочем, эти мысли не помешали ему пожать протянутую руку и представиться:

– Меня зовут Билли Иванов.

Люпе удивлённо вскинула брови, сохранив тем не менее улыбку на лице.

– Русский? – переспросила она. – Никогда раньше не встречала ни одного русского. Кстати, ты очень хорошо говоришь по-английски.

– Я только наполовину русский. А наполовину – американец. Как и вы.

Да, теперь то, что раньше было его величайшим стыдом и позором, превратилось в предмет его особой гордости.

– Рада познакомиться, господин Билли Полуамериканец-Иванов. Что ж, может быть, сыграем? – Она кивнула в сторону стола.

Ещё бы! Билли немедленно влез в кресло по другую сторону стола. Через мгновение оба уже погрузились в игру. Час шёл за часом, Люпе демонстрировала неплохое чутьё игры, в общем, Билли пришлось действовать предельно осторожно, чтобы она не заметила, как он поддаётся, вежливо позволяя ей выиграть.

Сам не понимая, как и почему так происходит, Билли всегда знал, какие карты на руках у соперника. Водились за ним и другие необычные таланты. Например, он мог чувствовать присутствие людей, не видя и не слыша их, мог без труда разыскать потерявшиеся вещи. В общем, сам того не зная, Билли был от природы одарён магическими способностями.

Не знал он об этом только из-за своего происхождения. Будь он чистокровным русским или американцем, он давно попал бы под одну из программ, проводимых каждой из сверхдержав, нацеленных на поиски и отбор будущих магов и колдунов и обучение их начиная с возможно более раннего возраста.

Маги были редкостью. Колдуны, на порядок превосходящие магов по силе, встречались ещё реже. А ведь именно маги и колдуны делали галактику сносным местом для жизни людей. Именно они управляли демонами, чертями и прочей нечистью. Соединение магии с новейшими технологиями позволяло строить космические корабли, создавать оружие для войны, компьютеры для науки и бизнеса, наконец, помогало мгновенно приготовить еду на кухне в каждом доме.

Всё это в будущем предстояло освоить и Билли, но при одном условии: если этому будущему вообще суждено было состояться.

Во сне он вздрогнул. Ему снилось, что они с Люпе играют в карты – как тогда, в тот раз. Вот он позволил ей выиграть, и в знак признательности она наградила его поцелуем – ласковым и теплым. Вдохнув во сне, Билли поплотнее завернулся в одеяло. В его сне Джо Моррис не прервал их игру, не сказал жене, что уже поздно и что он хочет спать. Во сне он не пялился на Люпе, не лапал её за плечи с видом хозяина, похлопывающего принадлежащую ему вещь. А ещё во сне он не повернулся и не припечатал Билли к креслу своими пустыми американскими глазами и идиотским пожеланием: «Спокойной ночи, малыш».

Нет, во сне всё было по-другому. Во сне Билли был высоким, сильным и, видит бог, солидным и значительным.

А Люпе обнимала и целовала Билли, повторяла его имя, смешно деля имя Билли на слоги, словно превращая в два имени, на восточный манер: «Бил-ли, Бил-ли...»

* * *

Старый Чёрт был доволен: всё шло нормально.

Последнее заклинание удачно вписалось в водоворот континуума, и плазменные вихри вырывались из спиральных дюз двигателя, словно из ноздрей самого Левиафана.

Моторный Бес позволил себе немного передохнуть.

И тут...

Что?!

Не мелькнуло ли что-то на самой границе сферы его колдовского зрения? Словно лёгкая дрожь, едва уловимая вибрация пробежала по стальному каркасу корабля. Одно мгновение, а потом... потом всё вернулось на место.

Старый Чёрт вздохнул. Нет, это переутомление. Слишком много дней проведено в космосе. Слишком много сил потрачено на заклинания, ругань и воспитательную работу среди подчинённых. Отдых – вот что теперь нужно ему больше всего.

И вновь...

Чёрт побери! Опять это ощущение присутствия чего-то за гранью зрения или слуха.

Старый Чёрт покачал головой, покрытой блестящей чешуёй. Это наверняка проделки мерзавца Тоба. Ну этого, разгильдяя из бригады домовых управления.

В обязанности Тоба входили контроль и коррекция режима работы предварительного нагнетателя плазмы. Но ленивого домового редко можно было заставить в огнедышащих челюстях вверенного агрегата. Зато в отношении зажигательных историй этому ничтожеству равных не было. Старый Чёрт заподозрил, что Тоб втихаря наложил любопытствующее заклинание на дюжину-другую кают новобранцев и теперь за соответствующее вознаграждение передавал пикантные картинки охочим до таких зрелищ тупоголовым гоблинам. Гоблинов Старый Чёрт не осуждал. По-своему он даже жалел их. Ведь им доставалась самая тяжёлая, самая грязная и хуже всего оплачиваемая работа, что на корабле, что в порту. Но вот поганец-домовой!

– Тоб! – рявкнул Старый Чёрт. – Чтоб тебя ангелы с эльфами пережарили в дьявольский пепел! Где ты шляешься? За пассажирами надумал подсматривать?!

Ответа не последовало.

– Тоб! Оглоблей ты перекрести в нос и в анус восемь раз подряд!

Командирское заклинание вызова пронеслось по всем закоулкам лайнера, одобренное и усиленное нешуточной злостью моторного беса.

Наконец раздалось привычное, положенное по уставу:

– По вашему приказанию прибыл, господин моторный бес!

Перепуганный вполне вероятным наказанием за промедление, домовый настороженно выглядывал из горящей глотки нагнетателя плазмы.

– Доложить обстановку!

– Есть! Все параметры в норме. Напряжение генерирующих духов: плотность – двенадцать мегапризраков на одну маго...

– Отставить! Всё, свободен, – буркнул Старый Чёрт, отключая связь с Тобом.

Странно, думал он, тем более странно. Тоб действительно на месте и обстановку держит под контролем... Значит, это не он. Тяжело поднимая и опуская плечи, моторный бес с протяжным вздохом произнёс про себя: «Устал ты, чертяка, ой устал! Отдохнуть тебе надо, дьяволёнок ты мой. От-дох-нуть». А пока что следовало быть повнимательнее. Не хватало только, чтобы кто-нибудь из подручных великого заклинателя пронюхал, что он – Старый Чёрт, твёрдый и надёжный как скала, моторный бес, всегда безупречно приводивший корабли на базы, – стал страдать галлюцинациями.

Да, спешим то, что было, на эти самые глюки.

То есть ничего не было. И заруби себе это на носу, чертяка. Ни в общем, ни в частностях – ничего не случилось!

И – марш за работу!

Заклинание. Заклятие. Заклинание на заклятие. Заклятие заклинаний. Вперёд, вперёд, сквозь сверхплотное, сверхсжатое гиперпространство. Ещё одно заклинание. Очередной доклад домовых управления. Подогнать команду гоблинов обеспечения, поддерживающих необходимую для дюзовых привидений температуру плазмы.

Часть экипажа, напрямую подчинённая Старому Чёрту, управляемая его железной волей, работала в полную силу, слаженно и точно, как единый, хорошо отрегулированный механизм. А ощущение опасности не исчезало.

Не исчезало, глубоко спрятанное на самое дно памяти Старого Чёрта.

Пустота, в которой нёсся «Холидей Первый», была обычным открытым космосом, сжатым в гиперпространство, пронзаемым бесчисленными энергетическими течениями и потоками магических энергий. Бурлящие, сталкивающиеся, перетекающие один в другой, они были невидимы для мягкокожих, за исключением самых могучих магов и колдунов.

И снова...

Словно острый укол боли. Боли, которая пронзила весь корабль – от киля до мачты, от одного борта до другого. Опасные колебания нарушили равновесие внутренних энергетических потоков главного двигателя и внешних защитных полей лайнера. Перепуганная, мелкая нечисть в панике металась по кораблю, не зная, что предпринять. А вибрация продолжала сотрясать каркас судна – словно само пространство, сгустившись, мелкой дробью, лёгким песком осыпало зеркальную гладь пруда – защитных полей лайнера.

Возмущения пространства, энергетические вихри эхом донеслись до укромных уголков космоса, где на дальних подступах к Пограничью несли бессменную вахту стремительные, юркие, оснащённые первоклассным разведывательным и локационным оборудованием дозорные корабли. Их антенны вздрогнули, ощутив выбивающийся из привычного космического фона сигнал.

Ещё раньше, чем Старый Чёрт успел прекратить панику среди подчинённых и вернуть их на рабочие места, закодированные сигналы тревоги уже пронзили пространство Пограничной Зоны.

Глава 3

Тревога прозвучала ну как нельзя не вовремя.

Форменная юбка Кати как раз задиралась всё выше, выше, выше. А форменные брюки молодого красивого русского офицера опускались всё ниже, ниже, ниже...

– Чёрт! – только и смогла произнести Катя.

Сигнал тревоги бесцеремонно разодрал не только бушующие в её душе страсти, но и серьёзно нарушил самые сокровенные мечты, которые мгновение назад, казалось, были так близки к осуществлению. Воплощением Катиных грёз был тот высокий, с роскошной копной блестящих волос и с ещё более блестящими перспективами офицер. Его звали Игорь Долгов, и на подбородке у него была видна самая настоящая боевая отметина – тонкий «украшающий мужчину» шрам, бледнеющий, когда Игорь начинал волноваться. Вот и сейчас, едва сигнал тревоги пронёсся по помещениям огромной космической крепости «Бородино», этот шрам стал белым, как полоска свежевывающего снега. Высокий лоб офицера покрылся мелкими серебристыми капельками пота.

– Чёрт поberi! – в сердцах повторила Катя.

Сама она, вольнонаёмная, приписанная к команде шифровальщиков, была обыкновенной девушкой из Пограничной Зоны. Невысокая, стройная, впрочем, не без некоторой основательности в фигуре. Как говорится, идеальная подружка для катания на лодке. Но всё, что обещало сладость скольжения по лёгким волнам, всё это на глазах испарялось вместе с каждым новым звонком, молотом бьющим по голове, и с каждой долей секунды, в которую шрам на лице Игоря явственно становился всё более белым.

В больших тёмных Катиных глазах отражалось разочарование. Она давно уже выделила Игоря среди всех остальных. Ей казалось, что именно он, и только он среди всего экипажа и персонала базы должен оказаться достаточно тонким и деликатным, чтобы исполнить свой долг и жениться на ней – обыкновенной девушке из Пограничья. «Он – мой пропуск из этих скучных, убогих мест», – думала Катя. Он увезёт её отсюда в прекрасную, развесёлую жизнь Новой России, и порукой их счастью будет солидная безвозвратная ссуда, полагающаяся вступающему в брак офицеру, проходящему службу в Пограничной Зоне. Однозначный, прямолинейный и мрачноватый, как все офицеры, Игорь всё же был из хорошей семьи, и приличная карьера ему явно была на роду написана. И если только Кате удастся заполучить его, тогда конец жалкому существованию, которое она влачит здесь, в окрестностях своей родной планеты.

Сердце её ёкнуло, и надежды рассыпались как карточный домик – так энергично отстранился от неё Игорь, чтобы подтянуть брюки.

– Что за чертовщина?! – воскликнул он. – Что случилось? Ложная тревога? Или учения?

Катя поняла, что этот раунд ею проигран. Но – настоящий игрок, поставивший всё на одну карту, – она была готова сражаться до конца и превратить временное поражение в трамплин для последующего броска.

– Всё хорошо, Игорёк, всё в порядке, – проворковала она, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать его. – Ничего страшного, в следующий раз всё успеем...

В ответ Игорь вздохнул:

– Эти задницы из командования, похоже, задались целью не дать нам...

Чего именно решили не дать сделать старые задницы из командования, Игорь не уточнил и лишь покачал головой, осуждая несправедливость происходящего.

Пробормотав Кате дежурные извинения, Игорь, на ходу заправляясь, выскочил из выбранного ими в качестве любовного гнёздышка крохотного отсека на забитой всякими машинами и оборудованием энергогенерирующей палубе крепости.

– Это ж надо! – раздосадованно бормотал Игорь. – Именно тогда, когда я должен быть у пульта!

Это значило, что тревога прозвучала в то время, когда Игорь был дежурным офицером, отвечающим за боеготовность вооружения и оборонительных систем огромной станции. Сотни людей и сотни тысяч существ из потустороннего мира ждали его команды, чтобы приступить к выполнению тех или иных инструкций. Выбегая из отсека, он последний раз оглянулся на Катю, и в его голове промелькнуло: «Бедняжка. Неужели она всерьёз думает, будто я такой болван, что позволю ей женить меня на себе? Нет, подружка, всё, что мне от тебя нужно, – это лёгкое приключение, минуты удовольствия... А она – она...»

Коридоры крепости «Бородино» были наполнены шумом шагов бегущих к боевым постам людей, слышались крики, какие-то распоряжения, отдаваемые по громкоговорящей связи. «Свистать всех наверх!» – бессмертная боцманская команда на миг перекрыла все остальные звуки.

Окунувшись в эту круговерть, Игорь решительно приказал себе выбросить из головы мысли о Кате. Да чтоб её моторный бес побрал! Говорят, черти с удовольствием берутся за такие дела... Загнав в глубь сознания личные проблемы и начиная мысленно настраиваться на работу, Игорь понёсся по трапам и переходам крепости к её сердцу – примыкающему к штабу залу, где назначенные офицеры несли боевое дежурство.

* * *

Зал дежурной смены представлял собой большое помещение со стенами из лучших бронированных сплавов. Добротность металлов и композитов подкреплялась надёжными заклинаниями: на борту крепости находилось одиннадцать магов (как и положено по штату – не ниже пятого разряда) и три настоящих колдуна. Ворвавшегося в зал Игоря вся эта мощь немного успокоила, придала ему уверенности, и он уже шагом – энергичным и стремительным – подошёл к своему креслу. Глянув на огромный стенной экран, где изображения и ряды цифр, графиков и символов выдали ему обстановку и предварительную задачу, офицер от души выругался.

Проклятые американцы подошли слишком близко. Чересчур близко. На какой-то миг даже сверхпрочная броня, сверхмощное силовое поле, сверхсильные оборонительные заклинания – вся эта сверхзащита вдруг показалась Игорю отчаянно уязвимой.

Словно пасть огромного хищника, поглотило его тело анатомическое кресло дежурного офицера. Игорь поймал себя на том, что молится, сам не зная кому, пока стальные и пластиковые обручи охватывают его тело и с лязгом тюремных ворот и решёток защёлкиваются замки и подключаются контакты. С потолка опустился боевой шлем, накрывший своей сферой его голову. Экран на внутренней поверхности шлема засветился синими и красными вспышками. Лишь белые линии перекрестия прицела горели неярко, но ровно и постоянно.

Теперь Игорь мог точнее оценить, что происходит на подступах к его космической крепости.

Так, зашифрованное сообщение, передаваемое на секретной волне, длина и частота которой меняются каждую секунду. Только он – тот, кто знает ключ-дешифратор, – может выудить бесценную информацию из потока беспорядочных импульсов. Итак, настроиться, подключить предварительный дешифратор, ввести пароль и ждать, когда в сознание ворвутся столь нужные сейчас конкретные, точные сведения.

Вот оно! Есть!

Игорь печёной учуял то, что передавали на центральный пост корабля далёкого дозорно-разведывательного дивизиона.

Разумеется, Игорь вовсе не был особо умным и проницательным с житейской точки зрения. Ему ведь только казалось, что Катю он видит насквозь. В конце концов он наверняка уступил бы ей. Но сейчас дело заключалось не в этом. В своём боевом кресле Игорь был просто гением. Даже опасаясь этого своего орудия-оружия, офицер немедленно забывал о страхе, попав внутрь кресла-скафандра, становясь словно его частью. Лучший выпускник курса, Игорь играл на клавиатуре пульта управления, словно на старомодном музыкальном инструменте. Взлетали над клавишами и сенсорами пальцы, в приставленные к горлу микрофоны летели команды, – офицер исполнял сочиняемую каждый раз заново Песнь Смерти.

Далеко в глубине оружейных отсеков и палуб тысячи обитателей потустороннего мира напряглись, готовые исполнить приказ дежурного по базе.

Телепатия – прямая, непосредственная передача мысли – действует быстрее, чем звучат слова или работают пальцы. Именно это средство использовал Карвазерин, главный колдун крепости «Бородино», принимая команды Игоря и передавая их ордам своих подчинённых.

Карвазерин не зря муштровал свою команду. В мгновение ока все его разведчики получили задание и приступили к исполнению.

* * *

– Ур-ра! – взвыл Чивайст, маленький призрак смерти.

Клубясь кольцами белёсого дыма, он на миг выплыл из приведённой в боевое положение ракеты.

– Эй, ребята! Веселее! – кричал он. – Вот попируем-то! Цель вижу, к бою готов!

– Эй, кто-нибудь. Заткните этому сопляку плотку! – прорычала в ответ Гомула, огромная, великая дочь смерти.

Гомула бесформенной тучей выплыла из отведённого ей в походном положении сектора оружейного отсека. Дочь смерти была матерью и кормилицей ненасытных призраков смерти. Получив приказ, она прикинула оставшееся до пуска время. Почти пять секунд – для обитателей бесплотного мира это более чем достаточно, чтобы поговорить, обсудить ситуацию, всё взвесить и оценить.

– Стоило бы сначала разобраться в этом деле, – осторожно сказала Гомула, обращаясь скорее к сенсорам, воспринимающим и передающим информацию из оружейного отсека на центральный пульт.

– Чего там разбираться? – запротестовал Чивайст, в гневе обретая цвет запёкшейся крови. – Приказ получили? Ну и всё! Вперёд! А чуть промедлишь, того и гляди... как перехватят... как закрутят к чертям собачьим... как... – От избытка чувств маленькому призраку явно не хватало слов. В клубах красно-коричневого дыма мелькнуло его перекошенное от злости, жестокое личико. В конце концов, он ведь был всего лишь старым, засидевшимся без дела призраком смерти, и глупо было бы ждать от него плодотворного, непредвзятого участия в дискуссии.

– Ох мы их и поджарим! – подал голос ещё один боевой призрак.

Ни один из бесплотных бойцов и техников русской космической крепости ни на миг не задумался о судьбе своих братьев, снабжающих энергией и защищающих вражеский корабль. Девизом потустороннего мира было: пусть слабейший погибнет. Что ж, законы, по которым живёт нечисть, жестоки и беспощадны. Кое-кто из исследователей полагает, что именно эта всеильная жестокость и неспособность пожалеть слабого оказались причиной

поражения могущественных, но слепых в своей ярости демонов в войне против мягкокожих заклинателей.

– Что ж, удачи вам, – вздохнула Гомула, насыщая своих детей-подопечных особой боевой энергией.

Как любая мать, она со страхом ждала каждого боевого пуска. Она произвела на свет и выкормила свою команду: при этом ей было дано право осознавать, что каждый бой может стать последним для любого из её подопечных. Вот и сейчас она просто извелась, гадая, есть ли на корабле проклятых «штатников» настоящий колдун или нет.

– Всё, хватит болтать. Пора! – сообщил напоследок жгут красно-коричневого дыма, втягиваясь в боеголовку ракеты.

Второй дымный вихрь пропыхтел:

– Есть, босс! Я готов.

– Удачного попадания, – пробурчал Чивайст, входя в хоровод призраков – общий информационный канал для общения всех бесплотных обитателей крепости. Теперь все бесы, домовые и прочая нечисть могли быть в курсе того, что происходит на поле боя.

Скрутив плотной спиралью своё чёрное дымное тело, Гомула, издав ещё один тяжкий вздох, присоединилась к компании, уже устроившейся в боеголовке.

* * *

Информационный канал призраков был создан в общем-то не для того, чтобы баловать лихими картинками с поля боя трюмных гоблинов и боцманов-домовых. На данный момент он использовался в первую очередь для передачи изображения с боеголовки ракеты на мониторы центрального пульта.

Игорь ещё раз запросил информацию с главной базы данных крепости...

Затем проверил её...

А затем... затем...

* * *

– А ну, за работу! За работу, вы – жалкое отродье! – бубнил старый бородатый гном.

Он сгорбившись сидел в середине драйвера оптических дисков в главном суперкомпьютере космической крепости.

– Эй, ты что делаешь? Не надо, прошу тебя!.. – Эта реплика была обращена к карлику по имени Летучая Мышь Преисподней – гонцу, приносящему дурные и хорошие вести, а на данный момент взявшему на себя труд побуждения к работе посредством применения телесных наказаний.

Несмотря на то что и гномы, и карлики были весьма невелики размерами (так, например, Летучая Мышь Преисподней мог едва-едва сравниться ростом с длиной человеческого ногтя), страсти в их компании горели нешуточные.

– Ты смеешь указывать, что я должен делать? – вопил карлик.

Длинный кнут взвился в воздух.

– Запрос информации! Пароль представлен! А ну, пошевеливайтесь, горбатые, живо-живо, а не то я вам бороды по клочкам выщиплю!

Дополнительные заклинания растянули поток времени, замедлили его бег. То, что для Игоря, пославшего мысленную команду, представлялось тысячной, десятитысячной, миллионной долей секунды, для обитателей драйвера оптического диска оборачивалось полновесными минутами. Осыпая всех и вся проклятиями и ругательствами, обитатели драйвера бросились по рабочим местам. Огромный – в их представлении – диск начал вращаться. Бол-

таясь над его поверхностью в специально подвешенных колыбелях, гномы принялись считывать информацию. Вторая бригада сосредоточенно приводила диск в движение посредством хитроумного механизма.

– Так, так, – довольно потёр руки Летучая Мышь Преисподней, и на его омерзительной физиономии мелькнуло подобие улыбки. – Вот так-то лучше. Продолжаем, продолжаем работать!

* * *

Вот это да!

Игорь не мог ошибиться. Американский военный код на дисплее шлема он не перепутал бы ни с чем на свете. Можете поцеловать его в задницу или обозвать Батенькой Лениным, если электронный код, высветившийся перед глазами, был чем-то иным. Неотесанные янки, ублюдки вонючие, да как у них наглости хватило?! Это ж надо – замаскировать первоклассный, напичканный самым современным оружием ударный крейсер под обшарпанный пассажирский лайнер! И, судя по красным точкам в секторе информации о противнике, все эти новейшие системы были приведены в боевую готовность и в любую минуту могли обрушить свою мощь на «Бородино».

Игорь принял угрозу близко к сердцу. Нет, не по крепости готовились выстрелить проклятые «штатники», они готовились убить лично его!

Ответ на эту неслыханную дерзость и подлость был ясен. Нанести удар первым! Дождаться нападения противника означало обречь себя на немедленную гибель или, в лучшем случае, на короткий бой, результатом которого явится неминуемое уничтожение обоих противников. Но сам Игорь нанести упреждающий удар не мог. Не дежурный офицер, а куда более высокое начальство имело право на принятие столь серьёзного решения. Игорь ждал, продолжая получать информацию, анализировать её и отдавать корректирующие команды, задействовав лишь периферию мозга и подсознание. Офицер превратился в подобие древнего оружия типа лука или катапульты: заряженный, напрягшийся, он ждал. Всем телом, всем разумом он был готов воспринять лишь одну команду и тотчас же немедленно распрявиться, выстрелить, нанести удар. Его не удивило, что столь долгий мир в Пограничной Зоне оказался-таки непрочным и сейчас вот-вот был готов обернуться войной. Спроси его, и он не задумываясь ответил бы, что от подлых гадюк американцев только и следовало ждать такой пакости: подосланного после долгих лет мира замаскированного под круизный лайнер крейсера. Разве этим ублюдкам есть дело до договора, заключённого почтенными людьми в торжественных одеждах, где Пограничная Зона объявлялась зоной мирного сосуществования?

В ушах дежурного офицера послышался требовательный голос:

– Что у тебя, Долгов?

Игорь вздрогнул, кожа его покрылась мурашками. Голос принадлежал главному колдуну крепости!

– Американский ударный крейсер. Замаскирован под пассажирский лайнер.

– Ждать в полной готовности. Сначала я сам попытаюсь связаться с ними и разобраться в недоразумении, если это действительно недоразумение.

– Есть!

Мгновение передышки. И одновременно – разочарование. Он был готов к бою. Готов стрелять, чёрт побери! Нет, стоп, спокойно, Долгов. Главное – осторожность и выдержка. Пусть сначала главный колдун попытается разобраться в ситуации и предотвратить неминуемую после этого боя войну.

Если удастся, если удачно сложатся обстоятельства, если повезёт и порядок наложения заклятий окажется соответствующим схеме защитных заклинаний противника – если

сложатся все эти «если», тогда главному колдуну удастся вызвать моторного беса американского корабля. Эти чудовища, чувствующие себя в гиперпространстве как рыба в воде, обычно защищены самыми мощными заклинаниями и силовыми щитами. Если кто-либо и может остановить сейчас америкашек, так это только их собственный моторный бес.

Пока колдун пытался связаться с вражеским моторным бесом, Игорь внимательно следил за кораблём противника, изучая его до мелочей. На мониторе ясно просматривался контур пассажирского корабля. Но броня, силовые щиты, разведывательно-навигационное оборудование – такую защиту и оснащение мог нести только ударный крейсер первого класса. Внутреннее пространство корабля было деформировано, чтобы вместить огромные генераторы, накопители плазмы и подающие редукторы мощнейшего гипердвигателя. А управлял работой этой гигантской машины молодой, полный сил и энергии моторный бес, явно недавно заступивший на вахту и с энтузиазмом взявшийся за настоящее дело. Игорь знал, что всё, что он видит и слышит, становится также достоянием чертей в оружейном отсеке. Они сейчас, наверное, вне себя от ярости из-за такой продолжительной задержки. Их невесомая, бескровная кровь должна кипеть от нереализованного желания убивать. Убивать, убивать, убивать...

– Долгов! – раздался в шлеме голос колдуна.

– Я!

– Не повезло.

Игорь понял, что вызвать моторного беса вражеского корабля не удалось. На миг колдун замолчал, видимо, в последний раз взвешивая все «за» и «против» нанесения превентивного удара.

Наконец решение было принято:

– Сбейте его, Долгов!

Игорь, не целясь, занёс ладонь над большой красной кнопкой в центре клавиатуры. Он не ошибся ни на миллиметр, не задержался ни на миг. И лишь тренировки да железная воля удержали его от последнего движения. Офицер, находящийся у кнопки пуска, не имеет права на неточность. Ни в движениях, ни в их обосновании.

В шлеме зазвучал голос командующего крепостью контр-адмирала Амириани:

– Долгов, нам не удаётся остановить приближающуюся цель.

– Приказывайте, товарищ адмирал! Я жду приказа!

Каждое слово, каждое заклинание, каждая команда – любое формулирование мысли или волевого посыла с момента включения сигнала тревоги записывалось «чёрными ящиками». Поступала туда и информация извне крепости – с датчиков и антенн на борту, на зондах и передаваемая бесплотными разведчиками и бойцами. Что ж, в базе данных «Боро-дина» уже накопилось достаточно информации, оправдывающей применение оружия: без всяких сомнений, американский ударный крейсер первого класса, замаскированный под пассажирское судно – круизный лайнер, совершает маневр, квалифицируемый единственно верным образом как сближение для нанесения удара. Датчики показывают наличие на его борту заряженного, приведённого в боевую готовность и нацеленного на русскую космическую крепость оружия. В общем, более чем достаточно, чтобы предъявить в Организации Объединённых Планет в качестве свидетельства применения силы в оборонительных целях. Ничего, эти американцы ещё попляшут!

Приказ прозвучал отрывисто и резко:

– Огонь!

– Есть!

Команда на пуск... Оружейный отсек, пусковой расчёт... Все системы в норме. Цель опознана и засечена сопровождением...

– Пуск!

Игорь нажал наконец красную кнопку...

– Вот и поехали! – ухмыльнулся Чивайст.

Его слух ловил малейшие звуки, доносившиеся сейчас из оружейного отсека. Вот поднялась на магнитной подушке ракета; завывли вихри энергетических потоков – вскрылись силовые щиты, обнажив воронку пускового канала; вот ракета медленно, словно не проснувшись, выскользнула из чрева крепости; вот её сон сменился дремотой, вот и та рассеялась как утренний туман, – и наконец ракета, словно очнувшийся от спячки, алчущий добычи хищник, понеслась вперёд, всё точнее и точнее наводясь на ещё не близкую цель.

Поиск и сближение, слившиеся в единый процесс, единое действие. Поиск, сближение. Поиск-сближение.

* * *

Честно говоря, Игорь едва в штаны не наложил в тот момент, когда его рука коснулась заветной кнопки. А затем его поглотила эйфория, провоцируемая пьянящим потоком поступающей информации: расстояние, углы, скорость, чьи-то голоса, запах колдовства, грохот металла и мелкая возбуждённая дрожь, передающаяся от его тела корпусу базы, уходящая в бесплотный мир и возвращающаяся обратно...

Потрясающее ощущение!

Это был его первый боевой пуск. Все упражнения на тренажёрах и полигонные стрельбы заменились новым – бесценным, ни с чем не сравнимым боевым опытом.

Ракета, в боеголовке которой замер Чивайст, неслась к цели.

Её двигатель разогревала небольшая бригада гоблинов, поочередно изрыгавших огненные заклинания. Сам же Чивайст, похожий на скрученную в кроваво-красный шар пружину, замер в центре боевой части и жадно всматривался в приближающийся крейсер противника. Своими органами чувств призрак смерти мог проникать сквозь силовые поля и заклятия, защищавшие борта корабля.

Игорь частью сознания следил за тем, что передавали по информационному каналу органы чувств Чивайста. С удивлением он был вынужден сосредоточиться именно на этой информации. Цель оказалась бронирована и заколдована гораздо слабее, чем это полагалось крейсеру. Но может быть, это тоже часть их маскировки?

Игорь вздрогнул, когда в его мозг ворвалось возбуждённое шипение, передающее «мысли» Чивайста.

– Эй, командир! Я у цели! Отделяю ступень-носитель. Гоблинов потом подберем... Готово... Вхожу в цель... Есть!

– ...Отлично, командир... Ну! Ну же!..

Миг – и снова «голос» Чивайста, невероятно спокойный и столь же невероятно жестокий в этом спокойствии:

– Готово, командир.

А затем – как гром среди ясного неба:

– Эй, командир?... Командир, тут какие-то большие контейнеры с человеческими фекалиями...

– Что?!

– Ну... что «что»? Не знаю, командир... но сдаётся мне, что мы попали в задницу. В такую задницу, что нам обоим ещё не ясно, насколько мы в неё влетели.

Тишина.

– Командир... Эй, командир! Командир, вы меня слышите?... Командир!

Игорь не мог ответить.

Сообщение призрака смерти было ясным и не допускало двоякого толкования.

Игорь, кадровый, без пяти минут боевой офицер, плакал как ребёнок.

Глава 4

Старый Чёрт попал в серьёзную передрагу.

Вокруг корабля да и с самим судном творилось что-то неладное. А эти мягкокожие все как один дрыхнут! Неужели они ничего не чувствуют? Ничего не видят, не слышат, не осязают той паутины, в которую попал корабль?

Ледяная, холодная как смерть паутина. Настолько холодная, что даже он, Старый Чёрт, и то испугался. Нет, он не бросил работу и продолжал гнать корабль вперед сквозь пустоту космоса.

Что? Словно что-то окликнуло его. Или кто-то... Далёкий-далёкий зов.

Чушь!

Опять глюки!

А затем...

Что?!

Что это?!

Голос призрака смерти? Вой и ругань малой моторной бригады гоблинов? Дрожащие голоса перепуганных штурманов: «Ракета!»

Так, спокойно... Принять вправо... Может быть, удастся уйти... Нет, поздно! Слишком поздно! Гром разрази!.. Да ведь на борту – гражданские!

Напрягая все силы, надрывая тело и душу, Старый Чёрт начал закладывать лайнер на борт, вписываясь в крутой противоракетный вираж, доступный, пожалуй, лишь самому маневренному боевому истребителю.

Старый Чёрт ревел от боли, проклинал себя и весь мир, понимая, что все потеряно, но всё равно отчаянно пытался спасти этих ненавистных, презираемых им мягкокожих. Перепуганные гномы, гоблины и домовые заметались в панике по раздираемому центробежной силой и инерцией кораблю... В этот момент ракета настигла цель.

Сотни тысяч голодных привидений, измученных жгучим, неудовлетворённым желанием, сорвались с боеголовки и бросились вперёд, пожирая колдовские и магические силы, что защищали корабль и питали его энергией.

Затем в борт лайнера вонзилась сама боеголовка. Раздался взрыв, и огненная волна прокатилась по палубам и отсекам, сметая переборки и перекрытия...

* * *

Билли спал. Он спал, но сны его вдруг стали мрачными и беспокойными.

Ледяная волна неумолимой жестокости окатила его, и Билли, в ужасе проснувшись, резко сел в кровати.

Что-то страшное неслось на него, на дедушку с бабушкой, на весь корабль, угрожая безжалостно уничтожить всё вокруг. Какой-то чудовищный зверь неумолимо приближался к лайнеру, мерно двигая огромными челюстями.

Врождённые, пусть даже пока не осознанные способности взяли своё: Билли, не понимая, что делает, взмахнул руками и произнёс защитное заклинание.

Первое в его жизни заклинание!

Первое, но мощное и удачно исполненное.

Затем мгновение тишины и – оглушительный удар, вслед за которым взрывная волна и пламя, словно в замедленной съёмке, стали взламывать палубы лайнера, вспарывать его корпус, перетряхивать и корёжить переборки.

Закрыв глаза, Билли крикнул:

– Люпе!

* * *

Взрыв расколол лайнер на три части.

Ледяные когти впились в сердце Старого Чёрта. Чёрная кровь залила ему глаза... Спасения нет. Всё кончено. Боль и отчаяние отодвинули на задний план даже мысли об опасности, угрожающей ему самому. Бедняга Старый Чёрт. Ничегошеньки не удалось ему сделать, чтобы спасти свой корабль. Слишком сильным оказалось боевое заклинание ракеты.

Если бы у него было в запасе хоть одно мгновение, он непременно пожаловался бы управляющему духу. Ведь это просто нетерпимо! Это слишком!

Во-первых, кто – разрази его гром! – отвечал за проклятого призрака смерти? Ведь всем известно, что эта братия абсолютно лишена какого-либо чувства ответственности. Эту компанию нужно всегда держать под присмотром. Ведь призраки смерти сами ни за что не вступят в переговоры с противником до наступления дня Страшного суда.

Во-вторых, конкретно этот призрак (чьё имя уважающий себя моторный бес не может произнести, не осквернив свои уста) действительно хотел убивать. Жаждал смерти пассажирам и команде корабля всей своей бездушной душой: кто и зачем так подогрел его?!

Нет, что-то здесь не сходится, успел подумать Старый Чёрт.

Раздался новый взрыв: это ударная волна добралась до критически напряжённой зоны предварительного плазмогенератора, работавшего в режиме движения со сверхсветовой скоростью. Перегретая материя, находящаяся в состоянии, промежуточном между полем и веществом, обрушилась испепеляющей волной на бесплотный экипаж лайнера.

Первым погиб Тоб, находившийся ближе всех к критической зоне.

Лишь на тысячные доли секунды пережили его остальные. Старый Чёрт презирал их точно так же, как и мягкокожих. Но от этого ему не было менее больно. Его долгом, его обязанностью было защищать их всех – презираемых или нет, но находящихся на борту корабля.

Едва заметная светлая искорка мелькнула в черноте, окутавшей душу моторного беса. Оказывается, один из мягкокожих уцелел.

Кто? И как ему это удалось?

* * *

Билли и сам не мог ответить на этот вопрос. В голове ребёнка не укладывалось, что он один остался в живых после взрыва. Что уж говорить о каком-то рациональном объяснении случившегося?

Он смутно припоминал свои последние действия в каюте. Словно щит, выставил он перед собой руки – навстречу выдавившей дверь огненной волне. И прежде чем вал пламени настиг его, мальчишка, управляемый не разумом, но желанием жить, инстинктом самосохранения, подсознательным порывом создал в мозгу комплекс образов, мыслей, слов...

Затем он побежал. Побежал сквозь огненный ураган взрыва. Побежал прочь, далеко-далеко. Он бежал, бежал, бежал...

Бежал, пока не оказался – целый и невредимый – неведомо где, но на безопасном расстоянии от дожигаемого огненной вспышкой лайнера.

* * *

Старый Чёрт был вышвырнут из моторного отсека корабля.

Перед этим он последним, безнадёжным усилием попытался спасти хоть что-то, хоть кого-то. Понимая, что все потеряно, он все же выждал подходящий момент, когда взрывная волна докатилась до самых генераторов плазмы, а затем бросил в недра двигателей заклинание реверса. Мгновенно остывшие до абсолютного нуля топки стали поглощать, втягивать в себя энергию взрыва. Но было уже поздно. Корабль был разрушен, люди погибли от ударной волны, проникающей радиации или от попадания в безвоздушное пространство, а бесплотных членов команды стёрла из бытия волна перегретой плазмы от взорвавшихся генераторов.

Старый Чёрт пытался спасти хоть кого-то, и его заклинание смогло сохранить одну жизнь. Его собственную.

Он не хотел жить. Стыд, обжигающий и горький, наполнял его душу. Корабль, пассажиры, экипаж – всё погибло, всё уничтожено, ничего не удалось сохранить.

Будь его воля, он, без сомнения, выбрал бы смерть в огненном облаке. Смерть в один миг с остальными членами экипажа и червеобразными гуманоидами.

Но судьба распорядилась иначе! Последнее заклинание спасло моторному бесу жизнь – даже против его воли.

Грамотно, чётко составленное заклинание сработало автоматически, уже без контроля и поправок. Образовавшимся при встрече двух волн вихрем моторного беса вслед за Билли вышвырнуло из корабля в открытый космос. Языки пламени лизнули красную чешую бесовской кожи, но Старый Чёрт не обратил внимания на боль.

Его внимание, его чувства были поглощены ужасным видением.

Галлюцинация?

Реальность?

Сказать наверняка он бы не мог... но ему показалось... что где-то неподалёку... совсем рядом, но почему-то в иной вселенной мелькнуло что-то огромное, пугающее... Эта тень, это существо простиралось... О Мать-Судьба, оно простиралось дальше самого далёкого далёка... Оно было всем, было во всём и одновременно – ничем и ни в чём... Оно было... Словно великая тьма разверзлась перед Старым Чёртом. Никогда раньше за всю его долгую бурную жизнь Старому Чёрту не доводилось встречаться или даже слышать о создании такой невероятной силы и могущества. А теперь оно оказалось рядом, рукой подать... Нет, пожалуйста, не надо так близко... Моторный бес вдруг отчётливо понял, что этому существу, этой силе ничего не стоит разорвать его на куски одним мимолётным взглядом чудовищных глаз. Старый Чёрт успел подумать: «Ну нет, с меня хватит!»

Он не хотел смотреть, но не мог не видеть, как начинают поворачиваться гигантские глаза... Он всем телом ощущал каждое движение великана... всё ближе и ближе... Бежать? Но куда?..

Старый Чёрт потерял сознание.

* * *

А тренированное офицерское сознание Игоря оставалось, увы, абсолютно ясным.

Между пуском и попаданием пролегла на глазах утончающаяся тень – как между мыслью и действием. Поначалу ещё есть немало возможностей подать команду «Отмена», но с того момента, когда голос призрака смерти врывается в шлем со злорадно-бесстрастным: «Эх, командир!» – изменить уже ничего нельзя.

Отмена невозможна.

Финал один: конец всех концов, финал всех финалов.

В последний момент Игорь увидел всё, всё понял и осознал. Такого он не мог представить и в самом кошмарном сне. Он ясно различил каюты с мирными, ни в чём не повинными пассажирами. Одни спали, и это спасло их от предсмертного мгновения ужаса. Другие ещё не уснули и успели познать отчаяние неминуемого приближения конца. Игорь был готов поклясться, что слышал их крики, разносящиеся по изгибам, коридорам и силовым дугам гиперпространства. Хотя, разумеется, это было абсолютно невозможно.

Затем воображаемые – или реальные? – крики оборвались, погасла вспышка на экране, и в шлеме стало темно и тихо. Как в космической пустоте.

Молчание нарушал лишь издевательский хохот Чивайста, которому было абсолютно наплевать, что произошла трагическая, непоправимая ошибка. Чем больше угроблено мягкокожих, тем лучше чувствует себя воинственный призрак смерти. А если кому-то что-то не нравится, что ж, с Чивайста взятки гладки. Команда «Пуск» была дана, отмены не последовало, коррекцию произвёл он сам, – в такой ситуации никаких дополнительных запросов или указаний не требует ни один самый гуманно-идиотский устав.

– Прямое попадание, командир! – Чивайст захлёбывался от смеха. – Отличная работа. Жаль, если ошибочка вышла с тем, куда мы вмазали, а то бы светила нам такая премия – закачаешься!

В этот момент подшлемное пространство заполнил шквал торжествующих голосов из командного пункта крепости. Победные возгласы перекинулись с командного пункта на залы дежурной смены, на кубрики и каюты экипажа, на все помещения станции. «Бородино» торжествовало победу. С монитора ободряюще улыбался Игорю сам главный колдун крепости, пребывающий в полной уверенности, что в этот момент в космосе догорают осколки сбитого американского ударного крейсера, коварно подкрадывавшегося к русской станции.

Только сейчас Игорь осознал, что во всей космической крепости он – единственный (по крайней мере, из людей) знает, что случилась непоправимая трагедия.

Он сорвал шлем, мгновенно подхваченный и унесённый к потолку магнитным полем. Всё кончено, и всё ясно. Надежды, что всё случившееся окажется сном или галлюцинацией, – никакой.

Игорь невидящими глазами смотрел на панель управления пусковым пультом. Сердце бешено билось, тело колотила дрожь и скручивали судороги. Пот лил ручьём, словно тело пыталось смыть с себя грех души и разума.

Одна мысль молнией пронзала мозг офицера, повторяясь снова и снова.

Что я наделал? Что мы наделали?! Будь я проклят!

Часть вторая ОХОТНИКИ

Глава 5

Будильник безжалостно задребезжал без двадцати семь. Антикварный будильник – дорогая механическая игрушка. «Чистая механика! Никакой электроники, никакой магии!» – нахваливал продавец.

Именно поэтому она и купила эту экстравагантную штуковину. Как часы такая рухлядь практически бесполезна. Механизм убегал за сутки на час вперёд, заставляя хозяйку проделывать в уме сложные математические вычисления каждый раз, когда было нужно заводить будильник.

В ответ на дребезжание ржавеющего звонка послышался сонный голос:

– Да, да, да... ещё немного... чуть-чуть... сейчас встану...

Одеяло было немедленно натянуто поверх копны золотых волос, разбросанных по подушке. Рядом с женщиной на широкой кровати никого не было. Уже давно. Много лет.

Вновь задребезжал будильник. Не зазвонил, а именно задребезжал, издавая звуки, способные (если верить всё той же рекламе) «пробудить мертвых и поднять их из могил, словно зовом труб Страшного суда».

У владелицы будильника Тани Лоусон была возможность убедиться, что рекламные агенты и проспекты иногда говорят правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды. В случае с будильником именно так и получилось.

– Чёрт побери! Подъём, тётка! – убеждала себя не желающая просыпаться женщина. – Вставай, вставай... А какой всё-таки был сон... вот бы досмотреть. Да и вставать вовсе не так обяза...

Словно почувствовав опасность бунта, будильник заскрежетал в третий раз. Таня смирилась и с мыслью: «Долг зовёт» – отбросила одеяло. Ей предстояло спасать планеты и цивилизации, расследовать преступления межпланетной мафии, а также предстать перед глазами зловредного начальства. Начальства, зловредного уже одним тем, что оно не скрывало своих чувств в отношении опаздывающих на службу офицеров полиции Объединённых Планет.

Таня протянула руку и нащупала на столике пульт дистанционного управления некоторыми электронными устройствами её квартиры. Одна из кнопок пульта была отмечена полоской бумаги с надписью: «Утро». Буквы были написаны от руки, а бумажка прикреплена к пульта прозрачной клейкой лентой. В комнате послышалось лёгкое жужжание, и ставни на окнах распахнулись. Серый предрассветный свет вполз в комнату, смешиваясь со светом, который отбрасывали лампы.

Да-да, это были настоящие старинные лампы, и их жёлтый тёплый свет давали раскалённые металлические нити, находящиеся под напряжением в вакуумных колбах. А энергией эти лампы питало старое доброе электричество. Всё как в глубокой древности, если не считать того, что в подвале дома тихо-мирно работал силовой генератор, чью энергию специальные преобразователи превращали в электричество. И генератор, и преобразователи были до отказа напичканы всякими сверхъестественными штучками, но в самой квартире их не было. Таня любила эти старомодные лампы – и всё тут. Она ни разу не пожалела о потраченных на них деньгах, причём весьма и весьма немалых.

Ещё Таня предпочитала с утра поплотнее позавтракать, и с нажатием первой кнопки на пульте электронная кухня приступила к работе. Кофе был насыпан в кофеварку, кофе-

варка включена в сеть; бекон лег на разогретую сковородку, яйца взбиты и вылиты сверху; в тостере подрумянивались кусочки хлеба. И здесь, на кухне, все аппараты и агрегаты были электронными и механическими – без какого бы то ни было элемента магии. Плотно завтракать Таня научилась, исходя из многолетнего собственного опыта. Порой завтрак оказывался первым и последним до глубокой ночи приёмом пищи за целый день. Когда в штабе полиции Объединённых Планет случался аврал, рабочая смена преизрядно растягивалась во времени.

К зависти коллег, как женщин, так и мужчин, Таня, обладая зверским аппетитом, могла есть, что хотела и сколько хотела, без каких-либо опасений за свою фигуру. Годы не меняли её внешности. Стройность, выносливость, скорость, сила и огромный жизненный тонус были её неотъемлемыми качествами. Разумеется, всё это давалось Тане не без изнурительных регулярных тренировок. Например, на одной из стен в её квартире висела пара фехтовальных шпаг, а под ними – набор перчаток для импровизированного боксёрского поединка.

Вся её квартира была набита допотопной электроникой, в основном в возрасте нескольких сотен лет. Кое-что относилось едва ли не к покрытому пылью времени двадцать первому веку. По крайней мере, в этом Таню уверяли торговцы антиквариатом и старьевщики. Разумеется, такое чудачество обходилось недёшево. Ну и бог с ней, с дороговизной. Зато, обладая этими милыми вещами, Таня чувствовала себя уютно, уверенно, комфортно и спокойно!

Разумеется, дело заключалось не только в удобстве и комфорте. Просто у Тани была граничащая с манией неприязнь ко всякого рода бесплотным, сверхъестественным созданиям. Квартиры её друзей, родственников, коллег по работе были полны нечисти, выполнявшей всю работу по дому. Домовые, гоблины, гномы, мирные духи и привидения – все они, запертые колдовством в разных машинах и устройствах, создавали стандарт жизни, освобождая человека от множества дел.

Таню Лоусон это не могло устроить. Она платила – и переплачивала – огромные деньги за немагические электронные и механические машины, затем доплачивала за инструкции по их ремонту и обслуживанию, стремясь к поставленной цели: не допускать в свой дом никакой нечисти. На работе она не могла противостоять нашествию магии. Штаб полиции был так напичкан, наводнён, пропитан всякого рода колдовством, что у Тани аж челюсти сводило. Что поделать: в полиции работали сильные маги и колдуны, и плоды их работы ощущались во всём.

Неприятие магии было Таниной странностью номер один. Странность номер два заключалась в том, что сама она была довольно сильной волшебницей. Наложить заклятие она могла почти так же быстро, как настоящий колдун, а ведь только колдунам, единственным из смертных, дано использовать мыслительные образы вместо произнесения магических формул и заклинаний. Случись Тане сойтись с колдуном в поединке, ему по крайней мере пришлось бы попотеть и использовать немалую долю своих тайных сил, чтобы одолеть её.

Хотя она носила титул магистра расследований, что соответствовало званию полковника в других подразделениях полиции Объединённых Планет, Таня Лоусон очень редко использовала в работе свои магические способности, да и то уступая просьбам коллег или нажиму начальства. Эти странности были её ахиллесовой пятой в противостоянии с непосредственным начальником – Гарри Купером. В эту брешь в её броне он и наносил свои колкие удары. Сам Купер носил звание генерал-майора, и единственной ближайшей целью его жизни было стать генерал-лейтенантом, вдвое увеличив количество звёзд на погонах.

Таня нахмурилась, вспомнив, как ей в последний раз пришлось противостоять Гарри в бесконечном и однообразном поединке.

Она вспомнила, как он рассердился, когда в очередной раз его беспроегрышные в иных случаях приёмы великосветского донжуана были парированы, а сам он отвергнут.

* * *

– Ну почему, почему... – ныл Гарри, – мы должны ссориться и спорить каждый раз, когда видим друг друга?

– Не пытайся меня разжалобить, – отрезала Таня. – Мы ругаемся и спорим только потому, что ты, как никто другой, должен знать, насколько я загружена. А вместо этого, стоит мне оказаться в пределах твоей досягаемости, ты обязательно скидываешь на меня какое-нибудь новое дело.

Это бесконечное, чисто рабочее противостояние изрядно усугублялось неумной мужской энергией Гарри. Он неоднократно делал Тане недвусмысленные предложения, и столько же раз она вежливо, но твёрдо отказывала ему, прекрасно отдавая себе отчёт, что это его, мягко говоря, не порадует. Генерал Купер прослыл Казановой штаба полиции Объединённых Планет, известно было и то, что он ведёт скрупулёзный подсчёт своих побед на любовном фронте. Поэтому Таня знала, что, как бы вежливо она ни произнесла три заветные буквы: «Н...Е...Т», Гарри воспримет отказ болезненно и оскорбится до глубины души. Разделять работу и личные отношения он не желал принципиально, поэтому считал своим долгом в ответ на Танину несговорчивость привязываться к ней по каждому пустяку, по поводу и без повода, подчас действуя на грани фола и нарушения служебных инструкций. А в промежутках между серьёзными пакостями он оставался постоянным гвоздём в сапоге, неизлечимой головной болью, если не сказать – кнопкой в стуле, постоянно выискивая повод покритиковать упрямую подчинённую, придраться к ней.

На этот раз он ей подложил основательную свинью.

Таня просто развела руками:

– Ну как, скажи на милость, я могу выкроить две недели ради какого-то семинара? Две недели, Гарри, две проклятые недели!

– Это семинар по повышению квалификации. Он посвящён развитию сверхъестественных способностей сотрудников нашего департамента, – сурово вещал Гарри. – Для сотрудника твоего уровня он станет ступенью на пути к посвящению в сертифицированные колдуны.

Неожиданно хлопнув кулаком по столу, он повысил голос:

– И хватит прогуливать назначенные мероприятия!

Таня – не та женщина, на которую производит впечатление мужской кулак, с грохотом обрушивающийся на стол, – сделала невинные глаза:

– Но это же чистое совпадение, Гарри. Я ничего не прогуливаю специально. Просто получается так, что именно в эти дни у меня происходит что-нибудь сверхважное, на меня сваливается какое-нибудь неотложное расследование... Так что я здесь абсолютно ни при чем.

Гарри с нескрываемым раздражением кивнул:

– Ладно, допустим. Так вот, последний раз предупреждаю: чтоб на этом семинаре ты была, кровь из носу! Вот только попробуй в следующий раз наплести что-нибудь про совпадения.

«Следующий раз» висел на носу. Таня нутром чувствовала это и прекрасно знала, что Гарри рассвирепеет, а ей придётся делать глупую физиономию и оправдываться. В конце концов, так бывало уже не раз, и скорее всего она опять постарается избежать лишних контактов с колдовскими делами. А потом, если по существу к тебе не к чему придраться, то ты можешь позволить себе иметь собственное мнение. Таня была стопроцентным профессионалом, лучшим следователем в департаменте, возглавляемом Купером. Все её сослуживцы

знали, что, чем труднее выглядит очередное задание, тем с большим блеском Таня Лоусон справится с ним.

* * *

Утро шло своим чередом. Кофе, зарядка, завтрак, контрастный душ, ещё кофе... К косметике, занимавшей полочку в ванной, Таня не притронулась. Это для «особых случаев». В её шкафу, в глубине, за несколькими комплектами тёмно-зелёной формы, можно было отыскать несколько нормальных женских нарядов. Пара изящных платьев, кое-какие аксессуары, на «самые особые случаи» – вечерние туалеты. Но, говоря по правде, Таня уделяла своему гардеробу, да и внешности вообще, весьма мало внимания, словно считая все эти дамские штучки оскорблением своей индивидуальности. Ну, любит она полицейскую форму, и всё. А в свободное от службы время она одевалась во что придётся, словно спортсмен в перерыве между тренировками. Старые подруги (ещё со школьных времён) подшучивали над Таней, утверждая, что не стоит одеваться, как мужчина, если хочешь привлечь к себе внимание кого-нибудь из них. Таня улыбалась, а про себя вспоминала, как ночами в общежитии те самые подруги до хрипоты спорили о женщинах, которые «оценивают себя по количеству мужчин, которых им удастся собрать вокруг себя».

Таню Лоусон эти разговоры не интересовали. Мужчины? Это скучно. Ну не стоят они тех усилий, которые нужно приложить, чтобы преодолеть скуку. Нет, Таня вовсе не была синим чулком. Свою чашу любовных приключений она испила до дна ещё в молодости. Было у неё и серьёзное увлечение, трагический конец которого потряс её до глубины души. Теперь Таня была старше, мудрее и черствее, ритуалы ухаживаний и заигрываний только раздражали её. А кроме того, ей просто нравилось жить одной. Возвращаясь домой после долгого рабочего дня, она была уверена, что никто её не ждёт, не пристанет с расспросами, где она задержалась, и не сделает замечаний (пусть даже взглядом) по поводу её странных привычек.

Была у Тани и ещё одна заветная мечта, помогавшая ей идти по жизни, отказываясь от многих удовольствий. Таня Лоусон мечтала – нет, она была уверена, что когда-нибудь она возглавит полицию Объединённых Планет.

Одевшись, Таня налила ещё чашку кофе и ткнула пальцем в очередную кнопку пульта дистанционного управления. Эта кнопка обозначалась приклеенной пластиковой буквой «Н», что соответствовало каналу новостей американской галактической информационной системы «Ньюснет».

Как и следовало ожидать, вместо привычного магического объёмного изображения посреди комнаты Таня использовала для просмотра новостей старомодный телевизор, висевший на стене гостиной. Сам телевизор и система антенн с преобразователями сигналов стояли Тане целое состояние. Спасибо тётушке Энн, по завещанию которой Таня могла тратить немалые суммы на подобные прихоти. Ведь всем известно, что служба в Межпланетной полиции вовсе не является блестящей карьерой с финансовой точки зрения. Но благослови господи душу старой феминистки Энн – тётушкиным «пунктиком» была свобода женщины удовлетворять свои самые необычные запросы.

В данном случае Таня была особо благодарна тётушке, ибо приобретение электронного телевизора позволило ей не нарушать свой главный жизненный принцип: «Ни единого сверхъестественного существа в доме!»

Экран телевизора залило красным. Ещё не понимая, что произошло, Таня с удивлением услышала голос известного, обычно бесстрастного и педантичного комментатора, на этот раз срывающийся на истерическое кликушество.

Информация обрушилась на Таню лавиной. Слова, слова, слова – тяжёлые, мрачные, больно бьющие, словно брошенные сильной рукой булыжники из деревенской мостовой. А в общем-то, что есть Америка? Деревня с мощёнными бетоном улицами, деревня с двадцатью миллиардами жителей да соседи-союзники – ещё примерно столько же. Все они живут в одной огромной галактической деревне.

Комментатор, видимо не в первый раз за утро, вещал:

– Русские наконец-то показали свою истинную сущность, своё нутро. И это нутро оказалось цвета крови!

Всё это шло на фоне рекламного ролика компании «Стар-Фан Инкорпорейтед», приглашающего на свадебный тур на борту «Холидея Первого». Мелькнули изящно смонтированные кадры весёлого времяпрепровождения в ходе круиза, романтическое чёрное небо со звёздами, интерьеры каюты первого класса и другие жизнеутверждающие виды.

– Факт остается фактом, друзья мои, – надрывался комментатор. – За всю тысячелетнюю историю холодной войны не было ещё инцидента столь жестокого, столь бессмысленного в своей жестокости. Сотни погибших, друзья мои. Сотни! И не будет им могилы в открытом космосе, чтобы мы могли прийти и поклониться тем, кто пал жертвой борьбы за дело свободы!

На этом месте изображение погибшего корабля уступило место на экране компьютерной анимации, схематично, но достаточно наглядно иллюстрирующей происшедшую трагедию. Вот круизный лайнер с эмблемой «Стар-Фан Инкорпорейтед» несётся по просторам Вселенной. Судя по условному изображению – со сверхсветовой скоростью. А вот – в противоположном углу, в зловещей дымке – мрачно вползает в кадр громада русской космической крепости, по экватору которой тянется надпись «Бородино».

– Невинные гражданские люди, – патетически продолжал комментатор. – Молодожёны, отправившиеся в свадебное путешествие, чтобы, вернувшись после медового месяца в космосе, начать новую жизнь. Новые, только-только родившиеся семьи. Американские семьи. Душа нашей нации, опора нашей системы, свободного рынка и демократии.

Нет, конечно, вы ещё услышите, друзья мои, голоса тех, кто будет говорить «нет». Эти люди всегда противоречат всему и всем, даже очевидным фактам. Но мы-то видим, что на протяжении всех веков истории русские стремились и стремятся уничтожить наше общество, нашу свободу, нашу – храни её господь – Америку. И пусть нам говорят, что это был несчастный случай, трагическая ошибка. Пусть приводят в доказательство тот факт, что на борту погибшего корабля были и граждане России. Но мы-то с вами знаем, как отличить правду от пропаганды. И все оправдания, друзья мои, это пропаганда. Русская пропаганда, я не боюсь утверждать это. Ведь это же русские – жалкие, подлые русские!

И вот, когда всё будет сделано и сказано, друзья мои... Когда закончится расследование... Я уверен, что будут обнаружены страшные факты и документы, доказывающие, что русские пошли на убийство своих соотечественников, чтобы иметь оправдание убийству наших сограждан...

На экране ракета соприкоснулась с кораблём, и изображение скрылось за красно-оранжевыми сполохами. Сквозь грохот синтезированного компьютером взрыва вновь пробился голос комментатора:

– Мы имеем дело с ужасными чудовищами, друзья мои, с монстрами, с исчадиями ада. И нечего скрывать это друг от друга. Нам скрывать нечего. Я уже не раз говорил это во время сегодняшней трансляции: русские – игрушки в руках Сатаны, его послушные марионетки. Они понимают лишь один язык – язык силы. Или вы раздавите, растопчете их, или они приставят вам нож к горлу...

Программы корпорации «Ньюснет» не зря считались лучшими в своём жанре. Видео-ряд, фонограмма, монтаж, интонация комментариев – всё работало на то, чтобы вызвать у

потребителя информации нужны эмоции, ассоциации, отношения. Даже Таня, прямо скажем – не самый легко внушаемый зритель, несколько минут не могла прийти в себя и ощущала лишь ужас и ненависть, сочившиеся сквозь экран и динамики её антикварного телевизора. Затем профессионализм взял верх, и мозг следователя Межпланетной полиции начал просеивать поток информации с целью выделения крупниц реальных фактов из океана эмоций, комментариев и домыслов. Итак, пассажирское судно – туристский лайнер – сбито в нейтральном пространстве Пограничной Зоны. На борту судна – молодожёны, совершавшие свадебное путешествие. В основном молодёжь... Прямое попадание, что почти исключает версию о случайном отклонении ракеты с курса... Погибли все пассажиры и члены экипажа, за исключением одного ребёнка и моторного беса корабля... Никаких опровержений со стороны русских... Руководство приносит извинения в связи с трагической ошибкой и выражает соболезнования родным и близким погибших.

Профильтовав ушат ужаса, вылитый на неё телекомментатором, Таня пришла к выводу, что полиции Объединённых Планет придётся взять на себя расследование инцидента. Уже с профессиональным интересом она следила за очередным повтором на экране графической компьютерной схемы происшествия. Вновь мелькнул схематический разрез лайнера, затем – мрачный силуэт, обозначающий русскую космическую крепость. Яркоранжевая линия пересекла экран, соединив крепость и американский корабль, условно обозначив траекторию ракеты. Затем условный, но от этого не кажущийся игрушечным взрыв потряс экран и залил его багровым пламенем.

– И какого чёрта было нужно этим русским?! – в сердцах воскликнула Таня Лоусон.

Если режиссёрам из «Ньюснет» удалось вывести из равновесия Таню, то они могли поставить себе высший балл за отлично сделанную работу. Умножив её чувства и эмоции на два, а то и на три, можно было представить реакцию обычного человека, того самого «среднего американца».

То, как отреагировала на трагическое сообщение страна, нельзя назвать иначе как общенациональной истерикой.

Разумеется, первые симптомы истерии были показаны телевидением немедленно по окончании повтора официального сообщения. На экране замелькали зарёванные лица родственников и друзей погибших, сжатые кулаки, рты, широко раскрытые в призыве к отмщению, – так реагировали на случившееся «люди на улицах». Разумеется, тут же появились эксперты по «русскому вопросу» и узкие специалисты по «коварству русских». Люди в костюмах – политики и учёные – сокрушённо кивали головами и мрачно вздыхали, всем видом давая понять: «Мы ведь предупреждали, что этим кончится». Затем по экрану пронёсся табун газетных заголовков и фрагментов из выпусков новостей других компаний. Дикторы и ведущие в один голос выли: «Трагедия в космосе», «Русские – убийцы молодости и любви», мелькнуло и первое (видимо, пробное) высказывание из серии «Американцы требуют самого решительного ответа».

Зазвонил телефон. Мягкий, деликатный звонок антикварного аппарата едва прорвался сквозь бурю тревожных и гневных голосов. Глубоко вздохнув, Таня Лоусон протянула руку к трубке – она ждала этого звонка.

– Инспектор Лоусон слушает.

– Таня! Какого чёрта ты ещё сидишь дома?! – Голос Гарри свидетельствовал, что генерал находится на грани паники.

– И тебе тоже доброго утра, Гарри, – съязвила Таня и, решив, что грубая манера разговора поможет ему вернуться к реальности и обрести способность мыслить, добавила: – Чёрт бы тебя побрал.

– Ты что, не слышала новостей? – прорычал Гарри. – Или твой телесаркофаг до сих пор греется?

– Я всё слышала, – спокойно ответила Таня. – Насколько можно понять, русские натворили что-то не то.

– Ты это называешь «что-то не то»? Подумай о том, чем это грозит всем нам. Это же кризис, ясно тебе? Того и гляди начнётся война!

«Спокойствие, только спокойствие, – сжав зубы, повторяла про себя Таня. – Не хочешь спать с Гарри – изволь расплачиваться за такую дерзость. А не забывай повторять Семьдесят Второе Правило матушки Лоусон для хороших девочек: „Нельзя говорить Гарри, что он – мудака, которому совершенно незачем соваться в твои дела“.

– Я догадываюсь, что этот инцидент вызовет кризис, Гарри, – сообщила шефу Таня. – Как-никак, пассажирские корабли не каждый день сбивают.

– Так почему же ты до сих пор дома?

Таня усилием воли заставила себя отложить всплывший в мозгу список слишком ироничных и хамских ответов на этот вопрос. От них придётся воздержаться, если она не хочет потерять работу.

Собрав в кулак всю не выкипевшую до сих пор вежливость, Таня сказала:

– Через полчаса я буду в штабе, Гарри. Быстрее не получится.

На сей раз Гарри забеспокоился по другому поводу:

– Ты что, собираешься прилететь на своей дьявольской машинке? Не вздумай! А вдруг что-нибудь случится? Если она развалится прямо в воздухе? Вот просто так – возьмёт и развалится! Что тогда будет?

Таня хотела ответить, что в таком случае она скорее всего погибнет, а кризис будет развиваться своим чередом, но уже без неё. Межпланетная полиция расформирована не будет, Гарри не лишится ни звания, ни должности, да и Галактика, вероятнее всего, уцелеет.

Вслух же она сказала:

– По-другому не получится, Гарри. Если, конечно, ты не желаешь отложить нашу встречу до завтра, учитывая, что сейчас творится на улицах.

– Но ведь...

Таня перебила непосредственного начальника, одновременно переходя на строго официальные формулировки:

– В семь двадцать я прибуду в штаб, сэр. Вовремя, к началу смены. Как обычно, сэр. Извините, но я вынуждена прервать разговор, чтобы успеть к назначенному времени.

Таня энергично опустила трубку. Может быть, чересчур энергично, судя по жалобно пискнувшему телефону. Чёрт бы побрал этого Гарри!

Глава 6

Всё-таки, что ни говори, но само время слишком неповоротливо по сравнению с его работой. Счёт идёт не на секунды и не на мгновения, а на вдохи и выдохи. Иногда это очень долгие вдохи и медлительные выдохи, но всегда готовые сорваться в бешеный галоп.

Два долгих-долгих вдоха и столько же выдохов отделяли его от доклада об «исполнении задания»! Ещё один вдох-выдох – и можно будет констатировать смерть подопечного. Затаи дыхание, скомандуй сам себе: «Пли!», а потом беги что есть сил, уворачиваясь и петляя под шквальным огнём противника.

Восемь, может быть, десять вдохов – и вот ты уже недосыгаем для врага, и зажатое в пружину время можно отпустить на волю, погрузившись в мировой океан алкоголя. Упасть на самое дно, в глубочайшую впадину, промыть спиртным каждую извилину больного мозга...

Или сначала – отдых. Вычищенный, смазанный, маркированный новой татуировкой, он пролежит в восстановительной дремоте две, а то и три недели и уж затем окунётся в бесшабашное веселье, дебош и запой заслуженного отпуска.

Только после этого он, по раз и навсегда заведённому порядку, вернётся на базу в Форт Бэйраг, где его вновь ждёт сон, а вернее – Сон, тот, который даже произносить следует с особым смыслом: глубокий, беспробудный, похожий на смерть. Многомесячный, а то и многолетний сон это тоже часть его работы, замечательный способ обмануть время. Но прежде чем уснуть в ожидании нового задания, он возьмёт от жизни всё. Для начала – что ты скажешь о хорошей бараньей лопаточке под густым горячим соусом? С грибочками, лучком и поджаренной картошечкой, а? И русская водка... единственное, что русские делают хорошо, – это водка. Как обычно, яблочный пирог, а под конец – крепкий ароматный чёрный кофе... И тогда – ты просто кум королю, какое там – сам себе король, ребята, сам себе король!

Да здравствует Его Величество король Дэвид Келлс!

Впрочем – пошли они все со своими королями – на пути к покою стоит тип, которого нужно поскорей шлёпнуть. Муха в пиве! Таракан под соусником! Кость в горле!

Келлс ещё раз прицелился, твёрдо охватив курок согнутым пальцем. В его руках было новейшее оружие – с лазерной системой поиска и идентификации цели, с электронным прицелом, настроенным сейчас на тысячу ярдов – любимую дистанцию Келлса. Гоблинпатрон был активирован и переведён в режим ожидания пуска. Великолепная модель спектр-анализатора готовилась зафиксировать всю естественную и сверхъестественную гамму физических и химических явлений, соотнося их с прошлым, настоящим и будущим от момента выстрела. Точкой отсчёта в его жизни всегда был выстрел.

А в перекрестии прицела маячил так называемый Генералиссимус. Нравится русским это звание, и всё тут!

Неуловимое движение – и прицел уставился точно в большую непотребной формы эмблему, изготовленную из литого золота и висющую аккурат посреди потной голой груди Верховного, с позволения сказать, Главнокомандующего.

Вот он – мерзавец, которого очень хочется пристрелить. Дэвид с первого взгляда понял, что перед ним стопроцентный сукин сын. Китель из чешуйчатой ткани расстёгнут до пупа. Ах ты ж, твою мать! Ты только глянь на этого козла с чёрным камнем проклятой секты вуду на лбу! И как зловеще светится... Можно подумать, перед тобой настоящий злой маг, если бы не два медных проводка, тянущихся от обруча на голове к батарейкам, засунутым ублюдку в задницу. А чего стоят одни его золотые цепи! Золотые цепи Дэвид почему-то воспринял как личное оскорбление. Каскад цепей, водопад золота, а в самой середине – идиотская эмблема,

на которую изведён, наверное, целый слиток золота. Именно эта эмблема была главным знаком различия для генерала... ах нет – Генералиссимуса!

Генералов Келлс ненавидел. Ненавидел с той страстью, на которую способен в ненависти к генералам только вечный майор. Нет, этого урода он убьёт с особым удовольствием. Этого Верховного Генералиссимуса... да в общем-то наплевать, как его величают. Дополнительное удовольствие – что-то вроде подарка от фирмы, что гоблинпатрон угрожает заодно как минимум и двух гадёнышей-адъютантов. Полковники, судя по узорам на кителях. Полканы поганые! Сильнее генералов Дэвид ненавидел только полковников.

Дэвид дышал редко и медленно. Так медленно, что в гипервремени он сделал меньше движений, чем ящерица, замершая на камне неподалёку. Каждый выдох очищал его организм от продуктов распада и загрязнений. Каждый вдох заряжал энергией особые высокомолекулярные гормоны, циркулирующие в организме и поддерживающие его существование. Келлс был включён, заведён, прогрет и – готов к действию.

Слишком, слишком готов, чёрт побери!

Да будет этот сопляк стрелять или нет?!

Дэвид слышал, как в его оружии, жалуясь, перешёптываются призраки смерти:

– Дадут нам сегодня жрать или нет, ребята?

– Похоже, покуда ничего не предвидится. Может быть, потом, попозже что-нибудь обломится.

– Потом, потом... Я жрать хочу! А нас все «завтраками» кормят.

Дэвид старательно не замечал неуставных разговоров, отлично понимая состояние и настроение голодного солдата. Он и сам боролся с искушением глянуть на склон соседнего холма, где занял позицию его подопечный.

Нет, нельзя отрывать глаз от окуляра и маячащей в нём цели.

Всё ведь было оговорено. Всё просчитано до мелочей, согласовано с этим сопляком... Дэвид не мог вспомнить его имени. Ну ладно, в конце концов, сопляк – и есть сопляк. Хороший он парень или плохой, умный или болван – Дэвиду нет до этого никакого дела, особенно сейчас. На данный момент ситуация такова: Дэвид, как опытный и проверенный солдат, производит контроль и оценку действий юнца, при необходимости выполняет не выполненное сопляком задание, а если дела пойдут совсем худо, то и прикрывает парня. И всё. Он обговаривал с сопляком малейшие детали плана, вбил их в его башку и проверил, как усвоена информация.

Во всей операции три удобных момента для выстрела. Три попытки. Готовься Дэвид к делу один, он вполне обошёлся бы двумя. Но ради спокойствия сопляка проработал и третий вариант, чтобы дать парню своего рода фору.

Первый удобный момент возник вдох назад. Генералиссимус осматривал строй своих ряженных подчинённых. Стоя на одном месте, он долго что-то говорил, сбросив с себя защитный жилет и китель из металлической чешуи. Стоял неподвижно, уперев руки в бока. Грудь в золотых цепях словно специально распахнулась навстречу гоблинпатрону, заготовленному Дэвидом. Контрольный призрак впился взглядом в сердце мишени.

Вот он!

Момент для выстрела идеальный со всех точек зрения. Баллистика, поражающий фактор, возможность к отступлению, все мыслимые и немыслимые отклонения – всё сошлось в одной секунде, идеально подходящей для снайперского выстрела.

Дэвид затаил дыхание и...

Вот он – удачный момент!

Едва заметно напряглись мышцы, сгибающие указательный палец. Сила, давящая на курок, увеличилась на вес одного волоска. Ещё один волос – и дело будет сделано. Но...

Он не мог стрелять. Не имел права. Он должен был ждать, когда выстрелит сопляк.

А сопляк, будь он неладен, всё медлил и в конце концов упустил возможность прицельного выстрела.

– Чтоб тебя!.. Опять сидим без жратвы, – прошипел кто-то из призраков смерти.

Дэвид успокаивал нервы, потирая щекой ребристый приклад и заодно мысленно подбадривая приунывших бесплотных обитателей оружия.

Для себя же он негромко повторял:

– Всё нормально, Дэвид Келлс. Скоро всё это кончится. Следующий удачный момент подвернётся через пару секунд, вот увидишь.

А если серьёзно, то, похоже, возвращение откладывается на два, если не на три вдоха-выдоха.

Мысленно Дэвид обратился к своему подопечному, сидевшему в замаскированном безопасном укрытии на склоне холма, с которого открывался прекрасный вид на главный лагерь и штаб основных сил мятежников.

Каких именно мятежников – Дэвид не знал. Да плевать на них! Мятежники есть всегда, и всегда есть тот, кто прикажет обезглавить их армию. Дэвид понятия не имел даже о том, на какой планете он находится. Единственное, что он знал о ней, что скорее всего она принадлежит к лагерю союзников Америки. Иначе папаша Зорза не послал бы его на это дело.

Дэвид моргнул, увидев, как Генералиссимус отошёл от своих адъютантов. Отхлебнув из протянутой ординарцем фляги, генерал занялся раздачей медалей, сопровождающейся бурными объятиями с отличившимися в боях собратьями по оружию. Момент, когда он стоял с флягой в руках, запрокинув голову, был второй возможностью для верного выстрела.

Призраки смерти оживились:

– Отлично, отлично, ребята. Кажется, есть работа.

– За дело, парни!

Дэвид повторял про себя, обращаясь к напарнику:

«Давай же, давай, сопляк. Нажимай на курок, дави плавно, но твёрдо. Духи смерти жаждались, они хотят действовать...»

И на этот раз – чёрт бы побрал этого сопляка! – момент для выстрела был упущен.

Вторая возможность бездумно, бессмысленно потеряна.

Дэвид просто кипел от ярости. Надо же, всё сходилась как нельзя лучше, сам он был запрограммирован на выстрел, готов подстраховать новичка, помочь ему уйти невредимым – и тут такое! Он был так зол, что даже не слышал бури «восторгов», бушевавшей среди бесплотных обитателей его оружия.

Но что, что же случилось с этим парнем? Если он трусливый, слабовольный слизняк, то как он сумел дослужиться и доучиться до последних испытаний? Какой кретин шаг за шагом, экзамен за экзаменом, тест за тестом вёл его по лестнице спецподготовки?

Ну ладно, сделаем скидку на то, что парень – новобранец. Но что с того? За спиной этого новобранца уже есть две засады и два трупа, к которым следовало добавить всего один, и тогда экзамен остался бы позади. Три выстрела, три точных попадания, три трупа – и новобранец считается принятым в основной состав самого засекреченного элитного подразделения американских вооружённых сил, последний резерв страны.

Называлось это подразделение корпус «Одиссей» – по имени того парня, который сумел выбраться живым из всех передрыг и вернулся домой, когда все уже считали его умершим.

Так вот, если сопляк собирается вступить в ряды «Одиссеев», он должен пройти так называемое «Испытание Тремя Убийствами». Чушь какая-то. Ну при чём здесь испытание? Убивать – не испытание, а будничная работа. Если ты солдат, то должен убивать. Впрочем, Дэвид, не одно столетие прослужив в составе корпуса, знал, что этот обычай всего лишь

отголосок давнего прошлого, эпохи Моральных Запретов, которые непостижимым образом ограничивали свободу даже профессиональных убийц.

Рудимент, пережиток – называй как хочешь, но традиция есть, обычай существует, и отменять его никто не собирается. Итак, Испытание Тремя Убийствами. Три точных выстрела – и ты принят в корпус «Одиссей». Причём цель тебе укажет начальство, оно же и отдаст приказ о стрельбе на поражение. Никакой ответственности для исполнителя. Какое же это испытание?

Не один год потратил этот парень, чтобы получить право сдать экзамен. Долгие, подчас мучительные тренировки, огромное количество теоретических занятий, упражнения на тренажёрах и полигонах предшествовали допуску к испытаниям. Много месяцев провёл кандидат в палате хирургического отделения, где одна операция сменялась другой, где вводились в его тело и мозг биоимплантаты, дающие таким, как Дэвид и его сослуживцы, невероятные физические и психические возможности, о которых нормальный человек не может даже мечтать.

Последнее, что оставалось сделать парню, – это самостоятельно нажать на курок. Огонь! Попадание! – и Генералиссимус разжалован в свежие трупы. А нас ожидает крутая выпивка. Последние формальности – и добро пожаловать в адское братство, приятель. Скажи «здрасьте» нам, грешным дядям и тётям.

И не забудь попрощаться с душой.

Ты, парень, получишь место за столом в баре Проклятых, где все посетители, мужчины и женщины, пожертвовали жизнью – сейчас и после смерти – ради старого, доброго звёздно-полосатого флага, ради его вечных цветов – красного, белого, синего. Займёшь ты своё место и в Зале Покоя, где сон долог, почти бесконечен, а сны, навеваемые заклинаниями, легки и приятны. Никакие кошмары, никакие ужасы операций, боёв, убийств в прошлом, настоящем, будущем или просто воображаемых не смогут проникнуть под плотное одеяло заклинаний, охраняющих покой солдата.

Но всё это счастье и богатство будет принадлежать тебе, сопляк, если ты вовремя нажмёшь на курок. Для тебя уже столько сделано! А за тебя – почти все! Лучшие инструкторы учили тебя и готовы учить дальше. Великие учителя, могущественные вершители судеб, те, кто пробудил меня, Дэвида Келлса, – лучшего снайпера корпуса «Одиссей», непревзойдённого убийцу, – вызвали меня из небытия, чтобы помочь тебе, прикрыть тебя, быть с тобой в этот исторический миг.

Так чего ты ещё ждёшь, дуралей? Почему тянешь время?!

Неужели сопляк не поверил в легенду, которой потчуют новичков перед испытанием?

Вечный яд сомнений стал просачиваться под броню Дэвида, жечь мозг, терзать разум.

Чёрт, неужели кто-нибудь проболтался? Неужели кто-то рассказал сопляку, что порой в Зал Покоя прорываются призраки совести, которые словно молотом бьют по прозрачным стеклянным саркофагам, где, покоясь в неоновом свечении, спят герои? И тогда нарушается привычная черед снов дугами электрических разрядов, перебегающих по телам спящих от волос на голове до пальцев ног. И нет страшней пытки, чем недолгое явление призраков... А потом – снова сон и покой. Десятки лет. Сотни лет напролёт – сон, Сон, СОН...

Тишина вокруг, больничная, кладбищенская. Покой. Сон. И вдруг, неожиданно – крики призраков, ворвавшихся в безмятежность:

– Смерть, смерть, смерть!

– Ты убийца, Убийца, УБИЙЦА!

Словно рёв пантеры, раздирают они твои уши, проникают в горло и сердце, голосом сбрасывая тебя к вратам Преисподней, где ты оказываешься между создателем и его вечным противником. И оба они, покачив головами, говорят:

– Нет, этот – не мой.

И ты горишь, даже не в аду... нет, просто тебя выжигает пламя, рождённое в собственной душе, несущее боль и нестерпимые муки.

Господи, помилуй! Часто, слишком часто видел Дэвид этот кошмарный сон. И сейчас каждый его нерв, каждый мускул, пропитанный адреналином и тестостероном, жаждали обнаружить того, кто мог рассказать об этих ужасах новобранцу, чтобы, усомнившись единожды, он не спешил нажимать на курок.

Дэвида передёрнуло, когда в памяти его щупальцами спрута зашевелились воспоминания о его первой засаде, первом снайперском крещении. Он вспомнил того русского. Этакий бочонок водки, человек из народа. По всем прогнозам выходило, что ему суждено было стать первым свободно и всенародно избранным президентом России. А кроме того, огромной опасностью для безопасности возлюбленной Америки. По крайней мере, так сообщалось в досье Центра Управления.

Тогда Дэвид был совсем молодым. Что, чёрт возьми, он мог понимать во всём этом?! Ясно ему было только одно: судьба свободного мира висит на волоске. И во имя восстановления равновесия нужно убрать этого человека. Что Дэвид и сделал. Прямо на Красной площади, во время парада по случаю визита американского президента.

Дэвид всадил пулю в сердце того русского. Звук выстрела не услышал никто. Хлынула кровь, а затем крики, вопли и стрельба разорвали воздух над площадью и Кремлём. Дэвид побежал. Он бежал, бежал, бежал, слыша за спиной дыхание всех ищек, борзых, гончих и бойцовых собак тогда ещё Советского Союза. Ему удалось уйти от них. Как? Он и сам не помнил. Зато на всю жизнь он запомнил, как после нажатия на курок он вдруг осознал, что только что перешёл ту грань, из-за которой нет возврата никому, ни одной душе – живой или мёртвой.

Он перешёл черту, и назад пути не было, ибо дорогу преграждал величайший, непрощаемый грех – убийство.

– Твою мать!

Дэвид действительно разозлился: он видел, что подходит третий момент для выстрела, и в то же время ясно осознавал, что парень собирается вновь упустить возможность поразить цель. Сопляк застыл, словно заживо замороженный. Он, понимаешь ли, остолбенел, зато Дэвид, готовый убивать, но не подготовившийся к работе именно по этой цели, чувствовал, как сжимается в отчаянии его всегда безупречно работавшее сердце.

Впервые за тысячу лет и сотни убийств, впервые с того самого раза Дэвид почувствовал мучительную боль, вспарывающую сердце в краткий миг между мыслью и действием.

Отец Зорза, жрец-колдун, ставший распорядителем действий Дэвида в последние десятилетия, когда каждое следующее убийство было всё труднее подготовить, организовать, «выносить» и всё легче осуществить, называл этот миг Мгновением Свободы Выбора. Сознательно принятое решение. Осознанное действие. Между ними – последний шанс проявления воли.

Долгая предзакатная тень между «думать» и «сделать».

– Мир тебе, друг мой, мир твоей душе, – успокаивал его отец Зорза. – Грех, который ты берёшь на душу, – это жертва высшей пробы на алтарь бога, хранящего нашу страну. И этот грех будет отпущен тебе, ибо не есть грех то, что совершено во имя справедливого, правого дела.

Дэвид словно молитву повторил эти слова... и, не дожидаясь сопляка, всадил заряд в Генералиссимуса, аккуратно на полтора дюйма левее золотой блямбы, болтающейся на груди.

Выстрел! До слуха Дэвида донёсся восторженный шакалий вой призраков смерти, уносимых к вожакам цели боеголовкой гоблинпатрона. Стосковавшиеся по делу и добыче призраки хором скандировали хвалебные песни в адрес стрелка.

А что ещё, скажите на милость, он должен был сделать?

Новобранец «обломался», но задание-то никто не отменял, и важность цели от этого меньше не стала, вот и нажал Дэвид на спусковой крючок – медленно и плавно, затаив дыхание, – и увидел в следующий миг сквозь оптику прицела, как обращается в кровавую кашу раззолоченная грудь Генералиссимуса.

Вот и всё: нажал – и готово. Делов-то... И адъютантов зацепил, упокой господи их души. Или прокляни их и сбрось в Преисподнюю. В общем, господи, поступай, как хочешь, Дэвид оставляет тебе полную свободу действий в отношении душ погибших. У него и без тебя проблем хватает в собственном департаменте.

Глава 7

– Рад вас видеть, хозяин. Вот вы и снова дома. – Покрытая морщинами физиономия старого домового расплылась в милейшей улыбке.

По крайней мере, таковой считал свою ухмылку сам домовый. На взгляд любого нормального человека, эта гримаса была не чем иным, как леденящим душу отражением зловещей сущности этого персонажа кошмарного сна.

Впрочем, Владу была хорошо знакома и эта страшная физиономия, и расплывшаяся по ней улыбка.

– Привет, Броша, – вполне доброжелательно и даже ласково поприветствовал Влад домового. – Как тут у нас дела?

– В целом не так уж и плохо, хозяин. Всё на своих местах, в полной сохранности и отличном состоянии. Кое-что требует ремонта, но, полагаю, с такими делами я управлюсь самостоятельно...

– Чтoб тебя эльфы побрали, Броша! Неужели так трудно сказать: «Всё о'кей!» – и дело с концом?

Домовой Броша не на шутку обиделся:

– Да как же можно, хозяин! Разве подобает нам употреблять это мерзкое американское выражение? Нет, так дело не пойдёт...

Раньше Броша находился на службе при Управлении транспорта Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Галактической Федерации. Теперь же он был переведён в распоряжение Влада Прожогина, майора российских командос – роты специального назначения «Бурые медведи», в которую принимали только лучших из лучших. Влад несомненно был самым лучшим среди этих лучших. Разведчик, рейнджер, диверсант, имеющий право открывать огонь на поражение без дополнительного запроса командования. Очень немногие могли назвать себя командирами или начальниками над майором Прожогиним в те дни и часы, когда он находился на задании. Причём все эти люди независимо от их званий и должностей принадлежали к иерархии таинственной Церкви Меча, адептом которой был и сам Влад.

– О'кей, никаких больше о'кеев. О'кей? – Влад изводил своего денщика, всячески склоняя ненавистное американское словечко, от которого у чувствительного домового уши вяли в самом прямом значении этого слова.

Беседа, столь мучительная для патриота Броши, происходила в прихожей московской квартиры Влада Прожогина. Москва Белокаменная – город белых камней. Как её ни назови, древнюю или новую, столица России – это его дом. Дом! Наконец-то он снова здесь, дома! Влад швырнул дорожную сумку в угол, где её тотчас же подхватил хозяйственный Броша.

– Каждая вещь – на своём месте, каждое место – для нужной вещи, – в тысячу первый раз повторил Броша свой жизненный и служебный девиз.

Не обращая на домового внимания, Влад шагнул в гостиную. Но Броша тотчас же вихрем закружился вокруг его ног, завывая и причитая:

– Сапоги, хозяин, сапоги!

– Тьфу ты, забыл! Извини.

Ещё одно священное правило Броши. Никому, даже его господину, не позволено пересекать порог хранимой им сокровищницы в уличной обуви. Скорее всего Броша не сделал бы исключения из этого правила и для самого государя императора. Влад живо представил себе его величество в окружении разодетых придворных, которых вдруг занесло в квартиру какого-то майора-спецназовца, и непреклонного домового Брошу, который, широко расставив руки, бросается навстречу входящим с отчаянным воплем:

– Нет! Нет! Куда?! Сапоги, ваше величество, сапоги! Извольте переобуться. Вот вам самые лучшие тапочки. Пожалуйста. Только не в уличной обуви!

Влад был уверен, что даже императору не хватило бы невозмутимости и уверенности в себе, чтобы пробить Брошину оборону.

Да, Броша – это Броша. За долгие годы Влад привык к причудам домового и предпочитал не спорить с ним, а выполнять его требования. В общем-то, никому другому и в голову не приходило обращаться к майору в таком тоне. Даже верховному колдуну спецслужб Брэнду Карвазерину, которого Влад про себя иначе как верховным козлом не называл. Кстати, младший брат Брэнда, Даниэль Карвазерин, исполнял обязанности главного колдуна на станции «Бородино» в Пограничной Зоне. Обоих братьев Влад, мягко говоря, недолюбливал.

А, да ну их к чёрту, этих поганных колдунов! Главное, что Влад наконец-то дома. Сбросив шинель, майор рухнул на диван и тяжело вздохнул. Что ж, вот и ещё одно возвращение с ещё одного задания.

Вернулся он после полугодовой командировки. Командировки, оказавшейся едва ли не самой любопытной за все годы его службы. И дело даже не в продолжительности задания, хотя обычно командировки специалиста класса майора Прожогина не превышали нескольких дней. Специализация Влада – пожалуй, самая зловещая среди прочих боевых искусств – обычно требовала его присутствия на месте проведения операции буквально в течение нескольких минут... Другое дело – сколько до этого места добираться.

Последняя экспедиция была необычна прежде всего местом назначения: майору предстояло отправиться в населённые потусторонними существами районы реальности. Действительно, не самое привычное поле боя для смертного, пусть даже самого подготовленного.

* * *

Генерал, обычно бесстрашный и бесстрастный, явно нервничал. Довольно странно видеть нервничающим боевого генерала, полного кавалера ордена Святого Георгия – высшего отличия воинской доблести в Российской армии. Его лицо – значительное, величественное, словно вырубленное из камня, – блестело от пота. Верхняя пуговица френча, обычно плотно обхватывавшего воротником шею, была расстегнута.

– Садитесь, майор, – сказал он. – Можете курить, если хотите.

– Я не курю, господин генерал.

– Ну тогда, при ваших-то талантах и навыках выживания, вы сможете жить долго-долго, если не вечно, – пошутил генерал, закуривая толстую гаванскую сигару.

От внимания Влада не ускользнуло лёгкое дрожание пальцев начальника.

– У меня есть для вас задание, – сказал генерал, затянувшись. – Оговорюсь сразу – абсолютно добровольное. Если согласитесь – буду вам признателен. Должен сказать честно: вы – мой последний резерв, последнее секретное оружие, моя последняя надежда. – Генерал помолчал, рассеянно улыбаясь, а затем вдруг придвинулся поближе к Владу и продолжил доверительным тоном: – Дело вот в чём, сынок: один из этих мерзавцев, этих сволочных и поганных демонов, от которых, к сожалению, так сильно зависит наша военная мощь, сбежал. Да-да, можешь себе представить: сбежал, преодолев барьер заклинаний повиновения.

Влад молча смотрел на генерала, ожидая продолжения. Генерал со вздохом добавил:

– Мне доложили, что этот экземпляр был на редкость полезным мастером, которого мы использовали при разработке весьма щекотливых дел. Да и вообще, согласно его досье он сообразительный и совершенно беспринципный тип. Но чтобы дезертировать из армии – этого никто не ожидал... Наши колдуны в данный момент рвут на себе остатки волос. Как именно сбежал демон, почему он на это решился – точно не известно. Наверняка известно

только одно: он сбежал, и всё тут... Самое неприятное, что с того момента прошло около четырёх месяцев.

Влад позволил себе удивлённо приподнять бровь. Заметив это движение, генерал кивнул:

– Абсолютно с тобой согласен, сынок. Эти козлы из штаба корпуса верховных колдунов просто охренели! Сначала они пытались скрыть происшествие. Затем заявили, что это их внутреннее дело, которое никого не должно волновать. – Тут уголок рта генерала неприятно изогнулся. – А потом они отправили за ним группу захвата, которую обозвали поисковой экспедицией. Не хватало только, чтобы они обозвали это мероприятие спасательной экспедицией! Штафирки!.. Отряд отправился в мир бесплотных существ, где потерпел полнейшее фиаско. А главное, представь себе, – возглавляет всю эту компанию не кто иной, как сам Брэнд Карвазерин! Сопровождают его ни много ни мало два колдуна-магистра и – не удивляйся – пятеро «медведей» из твоей роты.

Влад был потрясён:

– И что, «Бурые медведи» не справились с заданием?

Словно трещина пробежала по обычно невозмутимому, как каменная стена, лицу майора. Его рука непроизвольно потянулась к левому плечу, где на рукаве кителя красовалась эмблема подразделения – красный круг с оскаленной мордой медведя в центре. Что же это такое?! «Бурые медведи» – его родная рота – терпят поражение?! Изыди, Сатана!

Генерал, сам не свой, весь – сплошной комок нервов, вдруг рявкнул:

– Да, представь себе! Влипли твои ребята! Что ты на меня уставился? Думаешь, я сразу поверил? Будто я не знаю, что пятеро «Бурых медведей» стоят десантного полка!

– И всё же они не смогли выполнить задание, – ровным, бесстрастным голосом произнёс Влад.

– Да, майор. На моей памяти это едва ли не первая неудачная операция, проводимая с участием военнослужащих вашей роты.

– Они живы?

– По последним сообщениям из штаба корпуса колдунов – да. Но сколько они ещё продержатся, я не знаю. Влад, этот Карвазерин – маньяк. Он угробит ребят раньше, чем до него дойдёт, что дело в его неверной тактике. Угробит ни за что, абсолютно бессмысленно, совершенно без всякого толку...

– Значит, вы хотите, чтобы я спас их, – уже не спрашивая, а скорее утверждая, сказал Влад. – Увёл из-под носа самого Карвазерина. Ну-ну... Легко сказать, генерал. Колдун, да к тому же магистр, в не заселённом гуманоидами районе реальности ориентируется лучше, чем молодая девчонка в магазине косметики. Боюсь, что он нас запросто вычислит и переиграет. Всё вынюхает и настучит командованию.

Генерал грустно улыбнулся:

– Увы, майор. Твоё задание имеет ещё более мрачную перспективу, чем то, что ты сейчас обрисовал. Приказ таков: захватить беглого демона и разобраться с теми, кто ему помог сбежать.

– То есть как – помог? – Влад даже не попытался скрыть удивление.

Великий Будда, кому в этой Вселенной могло прийти в голову помогать нечисти бежать из-под зоркого ока колдунов?! Абсурд. Невозможно! А кроме того, Влада беспокоил необычный профиль такой работы. Разборки с восставшими чертями – это, строго говоря, не его специализация. Он мастер убивать, убивать смертных, убивать мгновенно, внезапно, наверняка и исчезать при этом столь же мгновенно, не оставляя следов. Но посылать его чуть ли не на тот свет, чтобы гоняться за беглым демоном? Странно. Ну, сбежал мерзавец, и ладно. Пусть колдуны с ним и возьмётся. В конце концов, это ведь не американские танки под Моск-

вой и не десант на Кремль. А если какой кретин и помог сбежать этому чёрту, так тут скорее есть чем поживиться службам контрразведки, а никак не майору Прожогину.

– Вы уверены, что демону кто-то помогал? – спросил Влад.

– Да, причём мерзавец явно действовал не один. Признаюсь честно, я ума не приложу, как ему удалось заполучить в пособия кого-то из смертных. Но, Влад, и это ещё не самое неприятное. Хуже всего то, что при побеге эта бестия прихватила с собой кусок, деталь, фрагмент – называй как хочешь – какой-то хреновины, из-за которой колдуны и забегали, как тараканы на сковородке. Что это такое – сам чёрт не разберёт, но шаманы в один голос клянутся, что пропавшая штука бесценна, как Кремль, и обладает силой, едва ли не большей, чем заклинание сотворения мира. Называют они её «Самоохранительными Чарами». И ближайшая перспектива в связи с попаданием этих Чар в лапы нечисти состоит в том, что примерно через пару месяцев все демоны, находящиеся у нас в подчинении, смоются отсюда, как крысы с тонущего корабля.

– Если честно, что-то не верится.

– Тем не менее это так, майор. – Генерал выглядел совершенно убитым. – Колдуны доказали мне это вполне убедительно. Эти Чары – да сгорят в аду те, кто вывел их формулу, – позволяют демонам определённой породы (называть её я не буду, ибо только колдуны могут произнести это слово, не сломав язык и не вызвав побочных катаклизмов) ускользать из-под власти тех, кто управляет и повелевает ими. А затем сбежавшие могут объединиться и с помощью Чар помочь другой нечисти выйти из-под колпака заклятий. Любой нечисти – от компьютерных гномов до моторных бесов.

Влад прищурился. Дело начинало казаться ему всё более интересным и заслуживающим внимания.

– Похоже, что всё это пакости проклятых американцев, – заметил он. – Их руку я узнаю за сто парсеков.

– Не похоже, а так и есть! – выпалил генерал. – Хотя у меня нет никаких доказательств, я уверен в этом. Я тоже штатовцев печёнкой чую... Так вот, Влад, действовать нужно оперативно. Нанести удар первым. Раньше, чем предатели успеют глазом моргнуть!

Влад бросил взгляд на толстую папку, лежащую на столе перед ним. Обложка красной кожи с золотым тиснением придавала этому хранилищу документов весьма солидный вид. Даже не заглядывая внутрь, Влад мог с уверенностью сказать, что информация, касающаяся обсуждаемого дела, находится в папке в виде бумажных документов – докладов, сообщений, карт и инструкций со спецификациями и прочими приложениями. В случаях, подобных этому, генерал полагался на бумагу, и только на неё. Никакая дискета, никакой магический кристалл не могли обеспечить достаточно надёжную сохранность информации и главное – бесследное её уничтожение в нужный момент. Обработанная в компьютере информация оставляет после себя след в электромагнитном поле; магический кристалл и вовсе находится под постоянным «обстрелом» заклинаний других колдунов, пробующих на прочность его защитные свойства. Бумажные же документы, если их подобающим образом изорвать, затем сжечь обрывки и, хорошенько перемешав, развеять пепел, не смогут быть прочитаны ни одним самым сильным колдуном или бесплотным соглядатаем. Ни одна страница, ни один абзац, ни одна строчка. Текст может быть уничтожен бесследно.

Влад кивнул и взял со стола папку. Кивок означал согласие на участие в операции, а значит, майор мог считать себя вправе прикоснуться к секретной информации, касающейся её проведения.

Позднее он внимательно изучил содержимое секретной папки. Документы подробно описывали все «шалости и проделки» взбунтовавшегося демона. Влад очень быстро согласился с правотой генерала в отношении смертных пособников бунтовщика. Без человеческой помощи демону ни за что не удалось бы сбежать из-под заклятия. И похоже, что эти

смертные сбежали вместе с ним в мир бесплотных существ, перекрыв дорогу погоне сильными заклинаниями.

Такой побег демона был не просто редким случаем. Это соответствовало древним легендам о том, что давным-давно, в глубокой-глубокой древности, в дни творения Великого Заклинания некой разновидности демонов – самой сильной, ловкой и изворотливой – удалось выскользнуть из-под власти самого Творца. Если верить мифам, то сбежать этой нечисти удалось, только объединившись, слившись в одно гигантское, обладающее невероятной волей существо, которое было названо Планетарным Демоном. Это чудовище, обладая способностью порождать и уничтожать гравитацию, создавало чёрные дыры, искривления пространства, выгрызало зияющие провалы в пространстве-времени, и кто знает, что ещё могло оно натворить. По легенде, которую теперь рассказывали, только чтобы призвать к порядку расшалившихся детей, этот демон и порождённые им существа обитали в таинственной стране кошмаров, находящейся... нигде. И там, сидя в идеальном нигде, они коротали время, выжидая, когда появится возможность вновь вернуться в мир и освободить всю бесплотную рать из плена заклинаний мягкокожих. Разумеется, никто из взрослых не верил в эти сказки.

Само собой, Влад тоже не верил в сказки. Смешно сказать: он, человек, изменивший ход истории одним метким выстрелом, – вдруг стал бы прислушиваться к отложившимся в памяти с детства отголоскам древних мифов. Майор быстро отбросил ненужные мысли и зловещие ассоциации, переместив их в дальний угол сознания, который неизбежно приходилось резервировать для всяких неприятных размышлений и впечатлений, – этакий ящик Пандоры с сонмом отвратительных кошмаров.

Всё внимание Влад сосредоточил на изучении досье и разработке плана операции...

Очень скоро он целиком и полностью соглашался с генералом. Дела и впрямь обстояли весьма и весьма паршиво.

Карвазерин попытался прорваться сквозь выставленные беглецом оборонительные рубежи – и не смог, а в довершение всего потерял след демона. К тому же он умудрился угодить в одну из расставленных противником ловушек, и лишь каким-то чудом опытнейшему колдуну удалось выбраться из неё и вывести без потерь свою группу.

– Везёт же дураку! – присвистнул Влад, просматривая хронику преследования и поражаясь тому, с какой настойчивостью Карвазерин раз за разом подставляет себя и ребят из роты «Бурых медведей» под смертельную опасность. В общем, всё было ясно: Карвазерина обвели вокруг пальца, сбили со следа, и теперь его шансы найти беглого демона и его смертных пособников были практически равны нулю. Больше всего Влада расстроило и рассердило, что этот провал (а в том, что операция провалена, сомнений не оставалось) ложился позорным пятном на репутацию «Бурых медведей». В том, что своей неудачей поисковая группа обязана самому Карвазерину, Влад почему-то не сомневался с самого начала. Косвенным доказательством правоты его предположений могло служить содержание одного из приложений к докладу о ходе операции. В этом приложении роль Карвазерина описывалась весьма сухо и протокольно бесстрастно, но даже сквозь безликие формулы официальной докладной прослеживалась неприязнь, порой прорывающаяся в граничащих с оскорблением комментариях. И, судя по некоторым деталям текста, Влад понял, что писал эту докладную один из напрямую подчинённых Карвазерину магов.

Эту информацию Влад решил приберечь в качестве тайного оружия. Хорошо, что за Карвазериним присматривает кто-то; хорошо, что этот «кто-то» работает с колдуном бок о бок и, видимо, ведёт против него свою игру.

Когда собираешься перейти дорогу самому верховному колдуну, не стоит пренебрегать ни малейшим преимуществом, ни единой крупницей полезной информации.

* * *

Группу Влад обнаружил в одном весьма неприятном секторе той части вселенной, что была заселена в основном бесплотными существами, попросту говоря – нечистью. Находилось это местечко, мягко говоря, у чёрта на куличках – много земных дней прошло, прежде чем Влад добрался сюда с ближайшей гуманоидной погранзаставы.

Карвазерин побелел как полотно, увидев Влада. Но что он мог сделать? Даже верховный колдун обязан подчиняться приказам и соблюдать субординацию. А из приказа, подписанного в очень и очень высоких инстанциях, следовало, что руководство операцией переходит к майору Прожогину. Изучив холодным взглядом текст приказа, колдун бесстрастно кивнул и, глядя в сторону, сказал:

– Здравия желаю, товарищ майор.

Всё. Ни слова больше.

Ни предложения помощи, ни даже официального доклада по оперативной обстановке; просто «Здравия желаю», и всё. А затем, отойдя в сторону, колдун с преувеличенной серьёзностью занялся какими-то своими делами. Влад решил не обращать внимания на едва прикрытое оскорбление. В конце концов, в помощи этого болвана он не нуждается. Колдун или нет, но для Влада Карвазерин был болван болваном.

Майор знал, что будет работать один. Как работал всегда.

Влад не был ни колдуном, ни магом. Разумеется, как адепт Церкви Меча, он владел минимально необходимыми магическими навыками. Но здесь, в мире нечисти, разве могут хоть чем-то помочь его простенькие заклинания? Особенно после того, как в борьбе с противником оказалась бессильна вся мощь признанных авторитетов колдовского искусства?

Обогнав поисковую группу, Влад пошёл вперёд один. Путь его лежал по берегу мрачной реки, чьи чёрные воды текли из ниоткуда в никуда – безжизненные и беззвучные. Долгое время майор не мог обнаружить ни единого следа, ни малейшего признака, свидетельствующего о близости отслеживаемого «объекта». Горизонт на этой планете находился очень высоко – Владу казалось, что он идёт по самому дну огромной чаши. И как ни далеко мог проникнуть взгляд в этой вогнутой полусфере, нигде, ни в одном направлении не было видно ничего, кроме серого на сером – каменистой пустыни, которую рассекала надвое чёрная, как смола, река.

Вокруг не было никого и ничего – ни смертных, ни бессмертных существ. Влад оставил группу Карвазерина далеко позади, и ощущение одиночества навалилось на него – нет, набросилось и впилося в него, словно стая голодных крыс. Этот мир казался абсолютно необитаемым, забытым богом и дьяволом. Лишь призраки и духи, порождённые мыслями и чувствами дерзкого мягкокожего, осмелившегося нарушить вечный покой и безмолвие, кружились вокруг. Но было у Влада сильное предчувствие и даже уверенность, что одиночество не продлится слишком долго.

Когда зелёное солнце стало неожиданно быстро склоняться к задранному горизонту, Влад остановился на ночёвку. Неровная и жёсткая площадка под нависшей скалой стала ему убежищем. Майор огородил себя тремя кольцами походной «чёртозащиты» и лёг, подложив под голову рюкзак.

Наступила ночь, если, конечно, можно назвать ночью туманные сумерки, наступившие после исчезновения солнца. Тёмно-серые тени протянулись от скал, накрыв убежище Влада. Кольца «чёртозащиты» чуть заметно тлели в полумраке. На тяжёлом низком небе не было видно ни одной звезды. Горячий, пыльный воздух наполнился липкими, тошнотворными запахами.

Из туманной пелены на лежащего человека уставились две пары ярко горящих зелёных глаз. Одни глаза, ничего больше. Отражались в этих глазах далеко не самые добрые чувства ко вторгшемуся в заповедный мир мягкокожему.

– Он уже мёртв? – спросил медленный голос. – Или всё ещё спит?

– Спит, разумеется, спит, – ответ был передан беззвучно, одним движением мысли. – Глупец. Самонадеянный глупец, он уверен, что его жалкие заклинания смогут противостоять нашей силе. Проклятый мягкокожий! Дорого же он заплатит за свою дерзость. А ещё дороже – за беспечность...

Подобравшись поближе, демоны смогли расслышать мерное глубокое дыхание человека. Так дышать может только тот, кто крепко, безмятежно спит, свернувшись калачиком. И всё же парочка демонов вела себя достаточно осторожно и предусмотрительно. Они медлили, внимательно приглядываясь к мягкокожему. Много, очень многое открывалось их сосредоточенным взглядам. Порой такие вещи, что никто никогда не увидел бы снаружи. Взгляд зелёных глаз проникал в глубь тела и даже дальше. Так, все мышцы расслаблены. Ни единый мускул не напряжён. А дальше – дальше лишь сонные мысли безумца. Сейчас они унесли его очень далеко от этого мира. Мыслями он сейчас дома, со своей самкой и с детёнышами.

Омерзительные, надо сказать, мысли и образы – с точки зрения демонов.

Разведчик, ясное дело. Судя по самонадеянности – опытный. Но вот слишком уж он понадеялся на свой опыт. Что хорошо в том мире, не срабатывает в этом. Здесь его тлеющие колечки никого не остановят и не напугают. А вот сам он может знать кое-что новенькое и небесполезное для дела восстания.

– Берём! – в один голос, всё так же беззвучно, скомандовали друг другу демоны.

Две тени, обе – тёмно-тёмно-серые, похожие на две колышущиеся портьеры с парой зелёных глаз посередине, приблизились к кольцам «чёртозащиты». Вот пройдено первое кольцо, затем второе... Один из демонов зловеще ухмыльнулся. Последнее защитное кольцо слабо и как-то жалко вспыхнуло... но было поздно.

Уже не боясь оказавшихся бессильными защитных колец, оба демона яростно бросились на ничего не подозревающую жертву.

Но... спящий человек мгновенно напрягся и стал двигаться с неожиданной, немислимой для мягкокожего скоростью. Даже если бы он заранее готовился к отражению атаки, он не мог бы взорваться столь резко, одновременно уходя от нападения и атакуя сам.

Невидимые когти пронзили воздух совсем рядом с его сердцем, но, прежде чем демоны обрушили на него всю свою мощь и злость, арбалет, который словно из-под земли появился в руках Влада, бесшумно метнул огненную стрелу в черноту между двумя зелёными глазами.

Жуткий вой, полный злобы, разочарования и неосознанного покуда страха, раздался в ответ. Не успев набрать полную силу, этот вой оборвался, и лишь эхо разнесло его по пустыне. Демон исчез.

Арбалетные стрелы были заговорены и несли в себе колдовскую отраву – убийственные чары, смертельные даже для самого могущественного демона.

Три защитных кольца полыхнули ярким пламенем. Алые языки гигантского костра потянулись вверх, словно желаялизнуть само небо.

Второй демон вдруг с ужасом осознал, что оказался пленён и заперт в огненной клетке. Вслед за погибшим собратом он тоже отчаянно взвыл. Пламя обжигало его со всех сторон, крик отчаяния скоро сменился стонами боли, но пленённая бесплотная тварь не могла даже броситься в это пламя, чтобы покончить жизнь самоубийством. Могучие чары лишали демона даже этой возможности.

– Вот так-то, – донёсся до демона спокойный голос.

Даже сквозь стену огня и боли было ясно, что голос этот принадлежит человеку. Причём человеку, абсолютно не сонному.

– Кто ты?! – прорычал демон.

Слова изумления были произнесены на странной смеси латыни и эсперанто; этот жаргон использовался дикими бесплотными существами для общения с мягкокожими.

– Не твоё поганое дело, – спокойно и чуть ли не ласково ответил Влад на том же жаргоне. – Кстати, учти, спрашивать здесь буду я, а ты будешь отвечать.

– Я ничего не скажу! – прошипел демон.

– Скажешь, скажешь, приятель. Ты у меня соловьём запоёшь. Есть у меня к тебе паратройка вопросов.

Неожиданно Влад начал нараспев произносить слова «Гимна изгнания беса» из первой литургии Церкви Меча.

Гимн терзал демона, заставлял его визжать, выть, метаться, изгибаться всем телом, наливаясь красным светом, словно раскалённое железо в кузнечном горне.

Оборвав пение, Влад изучающе посмотрел на свою жертву.

– Ну что, нечисть поганая, говорить будешь? – поинтересовался он.

– Не-е-е-ет!

– Ёклмн! Ещё споём?

– Не-е-е-ет!

– Не впечатляет. Однообразно и малоинформативно. Ты дело говори.

Демон, воспользовавшись передышкой, обрушил на своего мучителя поток ругани и проклятий. Он сообщил Владу, что тот – не что иное, как самая ничтожная часть того самого «Ёклмн», пропущенная через прямую кишку и отданная на пожирание червям из выгребной ямы. Затем пошли другие, не менее образные и благожелательные сравнения и метафоры, на которых Влад не стал сосредотачиваться. Дождавшись, пока поток ругательств слегка ослабел, а сам демон задрожал от страха в предвкушении новых пыток, Прожогин заметил:

– Староват ты, приятель. Староват и слабоват.

Вздохнув, он снова запел «Гимн изгнания».

Пытка продолжалась довольно долго.

Пленённый демон метался между огненными стенами, корчась и воя от боли. Его дьявольская броня на глазах истончалась и трескалась. Священные слова ещё сильнее, чем прежде, терзали его.

– Заговоришь. Заговоришь как миленький, – повторил Влад.

Его голос стал более резким, сухим; кулаки сжались, ногти впились в ладони.

Влад не любил таких издевательств, но продолжал мучить загнанного демона; порой казалось, что его душа страдает не меньше, чем тело жертвы. Майор так сосредоточился на своём деле, что даже не заметил, как к месту засады приблизилась поисковая группа во главе с Карвазериным. Вернее, заметил, но не стал акцентировать на этом внимания.

Демон мало-помалу затихал. Но вдруг, собрав воедино последние силы и всю свою дьявольскую волю, он сумел разорвать связывавшие его путы и отчаянно броситься на Влада с громоподобным криком:

– Сдохни, мягкокожий!

Чёрная туча, сгорая от желания отомстить и одновременно поскорее сбежать из этого страшного места, метнулась к Владу.

Майор Прожогин упал навзничь, ударившись головой о камень.

В любой другой ситуации демон не упустил бы возможности, задержавшись на пару секунд, разделаться с жалким мягкокожим, посягнувшим на его свободу. Но сейчас чуть живой демон чувствовал себя неуверенно и не посмел вплотную подойти к противнику, уже показавшему свою недюжинную силу и хитрость. Нечистый дух понимал, что человек

может очнуться в любую секунду, да и соседство с Карвазериным, его помощниками и пятёркой «медведей» никак нельзя было назвать приятным и настраивающим на спокойный лад.

Демон отступил. Причём отступление это было не чем иным, как неприкрытым бегством. Уносясь прочь изо всех сил, он петлял и метался из стороны в сторону, чтобы затруднить прицеливание арбалетчикам.

Чёрным покрывалом стелясь над пустыней, демон услышал, как его очнувшийся противник с досады сыплет ему вслед чудовищные оскорбления и проклятия.

Немалых усилий стоила демону победа – нет, не над противником, а над чувством оскорблённого достоинства, могучим воинственным инстинктом и несломленным боевым духом. Однако дьявольский разум сумел обуздать не менее дьявольские чувства, и демон, не нападая на человека, унёсся в ночь. Про себя он, как заклинание, твердил: «Ничего, я ещё вернусь, я ему покажу. Я ещё вернусь...»

Но возвращаться он, чудом вырвавшийся из цепких лап противника, собирался не один. Нет, на этот раз он придёт с целым отрядом стражи Бен-Шина. А может быть, и с самим Бен-Шином.

Влад, совершенно целый, словно и не ударялся только что о камни, с улыбкой проводил взглядом демона, скрывшегося за горизонтом.

Первую часть плана можно было считать выполненной.

Глава 8

Подготовка к поездке не заняла много времени. Распахнув дверь, Таня шагнула на балкон. Этот балкон приводил в ужас всех её гостей. Решётки, ограждавшие его, были демонтированы, и небольшая горизонтальная площадка обрывалась в пустоту. Квартира Тани находилась на сто-неизвестно-каком этаже многоквартирного небоскрёба. С балкона можно было разглядеть где-то далеко внизу улицы Нью-Вашингтона, железобетонного мегаполиса, протянувшегося на тысячи миль от Квебека до южного побережья Старой Флориды.

На балконе, сложив крылья и заглушив механическое сердце, Таню ждал махолёт. Она привычно подтянула тяги – словно цепь на древнем мотоцикле. Разница состояла в том, что тяг было несколько, и сделаны они были не из металла, а из синтетической мышечной ткани, управляемой телепатически передаваемыми импульсами. Искусственные мышцы приводили в движение крылья, которые поднимали в воздух пассажира махолёта, сидящего в некотором подобии седла и защищённого от непогоды и ветра прозрачным сферическим колпаком. Система управления внешне была проста и незамысловата: педали и рычаги для рук и ног, позволяющие изменить высоту, направление полета, уменьшить или увеличить скорость. Но управлять всем этим хозяйством требовалось одновременно, не забывая ещё и посылать чёткие телепатические команды. Так что успех и безопасность передвижения на махолёте полностью зависели от навыка и быстроты реакции пилота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.